

Разъясняя «язык ненависти»: Практическое пособие

Редакция 2015 года

ARTICLE 19

Free Word Centre
60 Farringdon Road
London,
EC1R 3GA
United Kingdom

T: +44 20 7324 2500

F: +44 20 7490 0566

E: info@article19.org

W: www.article19.org

Tw: [@article19org](https://twitter.com/article19org)

Fb: facebook.com/article19org

ISBN: 978-1-910793-25-1

© ARTICLE 19, 2017

Эта работа сделана под лицензией 2.5 Creative Commons Attribution-Non-Commercial-ShareAlike. Вы можете копировать, распространять, демонстрировать эту работу и разрабатывать производные работы, основанные на этой, с условием, что:

- 1) будет сделана ссылка на ARTICLE 19,
- 2) эта работа не будет использована для коммерческих целей,
- 3) распространение любой работы, сделанной на основе этой, должно производиться под лицензией, подобной этой.

Полный юридический текст этой лицензии доступен на:
<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-sa/2.5/legalcode>

Данный отчёт подготовлен при финансовой поддержке Министерства иностранных дел Нидерландов и Министерства иностранных дел и по делам Содружества (Великобритания).

Для чего предназначено это пособие?	3
Часть I: Распознавание «языка ненависти»	5
Что означает право на свободу выражения мнений и свободное их выражение?	6
Что означает право на равенство?	8
Что такое «язык ненависти»?	9
Кто является объектом «языка ненависти»?	13
К чему использовать термин «язык ненависти»?	16
Предлагаемая типология «языка ненависти»	18
«Пирамида языка ненависти»	19
«Язык ненависти», который должен быть запрещен	20
«Язык ненависти», который может быть запрещен	22
Законный «Язык ненависти»	22
«Язык ненависти» и «преступления на почве ненависти» — это одно и то же?	24
Какого рода выражения не относятся автоматически к «языку ненависти»?	28
Глубоко оскорбительные выражения	28
Богохульство или «диффамация религий»	29
Отрицание исторических событий	32
Подстрекательство к террористическим актам и насильственному экстремизму	34
Защита «государства» и представителей власти	37
«Диффамация», клевета	39
Часть II: Реагирования на «язык ненависти»	40
1) Создание способствующей среды прав на свободу выражения мнения и равенство	41
а) Способствующая среда для права на свободу выражения мнения	41
б) Обеспечение полной защиты права на равенство и недискриминацию	45
2) Позитивные меры государственной политики	49
Признание существования нетерпимости и выступление против нее	49
Обучение по вопросам равенства	51
Государственная политика, направленная на плюрализм и равенство в СМИ	52
Общественные образовательные и информационные кампании	55
Трансформационное правосудие	56

3) Добровольные инициативы иных стейкхолдеров	57
Инициативы гражданского общества	57
Мобилизация влиятельных игроков и институциональные альянсы	58
Роль независимых и плюралистских СМИ	58
Роль посредников в Интернете	60
Роль осмысленного диалога между разными группами	65
Часть III: Ограничение «языка ненависти»	66
Прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида	68
Пропаганда основанной на дискриминации ненависти, представляющая собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию	70
Ключевые элементы Статьи 20(2) МПГП	71
Поведение говорящего	74
Намерение автора высказывания	77
Порог серьезности	78
Правовые санкции за подстрекательство не должны сводиться к уголовному наказанию	82
Запреты «языка ненависти» по статье 19(3) МПГП	84
Приложение 1: Документы	86

Для чего предназначено это пособие?

В настоящем практическом пособии АРТИКЛЬ 19 предлагает руководство по распознаванию “языка ненависти” и эффективному ему противодействию, которое сочеталось бы с защитой свободы выражения мнения и равенства. Пособие отвечает на растущую потребность в четком разъяснении, как распознать “язык ненависти” и справиться с вызовами, перед которыми “язык ненависти” ставит в контексте системы прав человека.

Пособие исследует три ключевых вопроса:

1. Как распознать “язык ненависти”, который может подлежать ограничению, и отличить его от высказываний, подлежащих защите?
2. Какого рода позитивные меры по противодействию “языку ненависти” могут предприниматься государствами и иными субъектами?
3. Какие категории “языка ненависти” должны запрещаться государством и при каких условиях?

Данное практическое руководство основывается на том принципе, что целенаправленные и скоординированные действия по продвижению прав на свободу выражения мнения и равенство имеют решающее значение для создания толерантного, плюралистического и разнообразного демократического общества, в котором все права человека могут быть реализованы для каждого. Оно отражает и развивает существующую политикообразующую работу организации АРТИКЛЬ 19 в данной сфере.

Пособие организовано следующим образом:

- *Сперва* мы отмечаем, что в международном праве отсутствует единое определение “языка ненависти” - это, скорее, расширенное понятие, охватывающее широкий спектр выражений. Пособие, руководствуясь международно-правовыми обязательствами государств в области прав человека, предлагает типологию для распознавания и различения разных форм “языка ненависти” в зависимости от степени их серьезности (*Часть I*).

-
- Затем мы предоставляем рекомендации по поводу мер, которые государства и иные участники могут предпринимать в рамках своей политики для создания благоприятной среды для свободы выражения мнения и для равенства, которая бы воздействовала на глубинные причины «языка ненависти» и, при этом, создавала максимальные возможности для противодействия ему (*Часть II*).
 - *Наконец*, мы очерчиваем круг исключительных обстоятельств, в которых международное право обязывает государство наложить запрет на наиболее серьезные формы «языка ненависти», а также обстоятельства, в которых согласно международному праву государство может иначе ограничивать «язык ненависти». Это включает рекомендации, как избежать злоупотреблений такими запретами и обеспечить, чтобы, в случае применения санкций, они являются подходящими и соразмерными, обеспечивая также поддержку и компенсацию для жертв (*Часть III*).

Артикль 19 считает, что обеспечение соответствия мер реагирования на «язык ненависти» международному праву прав человека является критически важным. Запреты, цензурирующие оскорбительные или задевающие чьи-то чувства мнения, контрпродуктивны с точки зрения поощрения равенства, поскольку они не направлены на социальные корни предубеждений, ведущих к «языку ненависти». Во многих случаях позитивные меры, повышающие взаимопонимание и терпимость, являются более успешными в содействии равенству, чем цензура.

Данное пособие не представляет собой окончательную версию и будет постоянно обновляться, отражая развивающуюся судебную практику и примеры хорошей практики в данной сфере.

Часть I: Распознавание «языка ненависти»

Для установления, что является «языком ненависти», необходимо прежде всего осмыслить важность двух усиливающих друг друга прав: свободы выражения мнения и равноправия.

В данном разделе АРТИКЛЬ 19 предлагает типологию для распознавания «языка ненависти», основанную на установлении разных видов «языка ненависти» в зависимости от серьезности ненавистнического высказывания и его последствий. Мы считаем, что это совершенно необходимо в качестве основы для действенных и выверенных мер в отношении «языка ненависти» и, в исключительных случаях, запрета «языка ненависти» (см. *Часть III*).

Что означает право на свободу выражения мнений и свободное их выражение?

Право на свободу выражения мнений и свободное их выражение (свобода выражения мнения) является основным правом человека, гарантированным в Статье 19 Всемирной декларации прав человека (ВДПЧ)¹ аи получившим юридическую силу благодаря всем ключевым универсальным и региональным договорам в области прав человека.²

Международное право прав человека требует, чтобы государства гарантировали всем и каждому право искать, получать и передавать информацию или идеи любого рода, независимо от государственных границ, при помощи любых методов, избранных индивидуумом.

Право на свободу выражения мнения обладает широкой сферой действия. Она распространяется, например, на выражение мнений и идей, которые другие люди могут находить глубоко оскорбительными, что может включать и выражения дискриминационного характера.³

¹ Строго говоря, ВДПЧ не является юридически обязательным документом для государств. Однако считается, что многие из ее положений приобрели статус обычного международного права с момента ее принятия. См. *Filartiga v. Pena-Irala*, 630 F. 2d 876 (1980) (US Circuit Court of Appeals, 2nd circuit).

² См. Статью 19 Международного пакта о гражданских и политических правах (МПГПП), Статью 9 Африканской хартии прав человека и народов (АХПЧН), Статью 13 Американской конвенции о правах человека (АКПЧ) и Статью 10 Европейской конвенции по правам человека (ЕКПЧ).

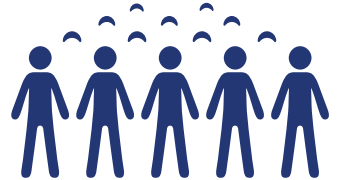
³ Комитет по правам человека (КПЧ), Замечание общего порядка № 34, ССРР/С/СР/34, 12 сентября 2011 г, параграф 11.

Зачастую говорится о том, что все права человека универсальны, неразделимы, взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимоукрепляемы. Более того, есть две причины, почему международное право наделяет особой важностью право на свободу выражения мнения как краеугольного права:

– В *личностном плане* свобода выражения мнения является ключом к развитию, достоинству и самореализации каждого человека. Человек может обрести понимание своего окружения и мира в широком смысле путем свободного обмена идеями и информацией с другими людьми. Люди ощущают себя в большей безопасности и пользующимися бóльшим уважением, если они могут свободно высказывать то, что у них на уме.

– На *государственном уровне* свобода выражения мнения необходима для хорошего государственного управления и, как следствие, для экономического и социального прогресса. Позволяя людям свободно дискутировать и выражать свои вопросы и претензии к правительству, в том числе и в целях защиты и поощрения иных прав человека, она обеспечивает ответственность и подотчётность.

Несмотря на вышесказанное, **право на свободу выражения мнения не является абсолютным правом**, и государство может, в определенных обстоятельствах, ограничивать это право в соответствии с международным правом прав человека (см. ниже).

Что означает право на равенство?

Международное право прав человека гарантирует равенство и недискриминацию для всех.⁴ Государства обязаны гарантировать равенство в пользовании правами человека и равную защиту закона.

Принцип недискриминации имеет три взаимосвязанные составляющие. Дискриминация понимается как:

1. любое различие, исключение, ограничение или предпочтение против лица,
2. основанное на защищенной характеристике, признанной международным правом прав человека,
3. которое имеет своей целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и любых других областях общественной жизни.⁵

Именно защита достоинства для всех без дискриминации служит мотивацией для большинства мер реагирования на «язык ненависти», включая ограничения права на свободу выражения мнения.⁶ Меры реагирования на «язык ненависти», включая его запреты, часто обосновываются также охраной национальной безопасности, общественного порядка и общественной нравственности. Однако, когда эти цели смешиваются с целью защиты индивидуумов от дискриминации, меры, ограничивающие выражение мнений, могут легко стать чрезмерно широкими и подверженными злоупотреблению.

⁴ См. Статью 1 ВДПЧ и статьи 2(1) и 26 МПГПП. На региональном уровне, свобода выражения мнения гарантирована, например, в статьях 2 и 19 АХПЧН, статьях 1(1) и 24 АКПЧ и статье 14 ЕКПЧ и в Протоколе 12 к ЕКПЧ.

⁵ См., например, Комитет по правам человека, Замечание общего порядка № 18, 1989 г., параграф 6.

⁶ Многие меры реагирования и запреты на «язык ненависти» обосновываются охраной национальной безопасности, общественного порядка и общественной нравственности. Однако там, где эти цели смешиваются с целью защиты индивида от дискриминации, меры реагирования, заключающиеся в ограничении выражения мнения, могут легко становиться слишком широкими и открытыми для злоупотребления.

Что такое «язык ненависти»?

«Язык ненависти» является эмоционально окрашенным понятием. Для него не существует общепринятого определения в международном праве прав человека. Многие бы сказали, что они могут распознать «язык ненависти», когда они с ним сталкиваются, однако критерии для этого зачастую трудно установимы или противоречивы.

Универсальные и региональные документы в области прав человека подразумевают различные стандарты для определения и ограничения «языка ненависти»: эти вариации отражены в различиях в национальных законодательствах. В повседневной жизни употребление данного термина и значения, которыми он наделяется, варьируются – так же, как и призывы к его правовому регулированию. Это в большой степени объясняет путаницу, существующую вокруг данного термина и его значения для прав человека.

Многие из предлагаемых определений «языка ненависти» были сформулированы как реакция на конкретные зловредно дискриминационные социальные явления и инциденты. Со временем определения адаптировались для реагирования на новые ситуации и для отражения изменений в языке, меняющегося понимания равенства и вреда, причиняемого дискриминацией, а также развития технологии.

Интенсивное и иррациональное чувство осуждения, враждебности и отвращения по отношению к отдельному индивиду или группе.

Любое выражение ненависти к отдельному индивиду или группе по причине обладания *защищенными характеристиками*.

Любое выражение, передающее мнения или идеи – донесение внутреннего мнения или идеи до внешней аудитории. Оно может принимать множество форм (например, письменную, невербальную, изобразительную или художественную), и может быть распространено с помощью любых средств, включая интернет, печать, радио и телевидение.

В своей основе «язык ненависти» состоит из двух компонентов:

- **Ненависть:** интенсивное и иррациональное *чувство* осуждения, враждебности и отвращения по отношению к отдельному индивиду или группе, избранных в качестве объекта по причине обладания определенными – реальными или приписываемыми – *защищенными характеристиками* (признанными в международном праве).⁷ «Ненависть» - это *больше чем просто предвзятость*, и она должна носить *дискриминационный характер*. «Ненависть» является проявлением психологического состояния или мнения и, таким образом, отличается от любого проявленного действия.
- **Язык:** любое выражение, *передающее* мнения или идеи – донесение внутреннего мнения или идеи до внешней аудитории. Оно может принимать множество форм (например, письменную, невербальную, изобразительную или художественную), и может быть распространено с помощью любых средств, включая интернет, печать, радио и телевидение.

Пропустив говоря, «язык ненависти» - это любое выражение дискриминационной по своему характеру ненависти к людям. Не обязательно, чтобы оно влекло за собой определенные последствия. Определение, основанное на таком общем знаменателе, охватывает очень широкий спектр выражений, включая правомерные. Соответственно, такое определение является слишком туманным для использования в целях распознавания выражений, которые могут быть правомерно ограничены по международному праву прав человека.

Помимо этих двух основных элементов, значение термина «язык ненависти» становится более спорным: некоторые спорят, что дискриминационной по своему характеру ненависти не достаточно самой по себе и что дополнительные элементы должны быть установлены. Мнения о том, что составляет «язык ненависти» и в каких случаях он должен быть запрещен, широко расходятся. Расхождение включает разногласие по поводу следующих элементов:

- Что составляет **защищенную характеристику** в целях установления отдельной личности или группы, являющихся объектом «языка ненависти»;
- Степень внимания, уделяемого **содержанию** и **тону** выражения;

⁷ См. Приложение I.

-
- Степень внимания, уделяемого **причиненному вреду** – рассматривается ли выражение как **вредоносное само по себе** в силу своего **унижительного или обесчеловечивающего** характера или же как несущее потенциальные или реальные **вредные последствия**, как, например:
 - подстрекательство к выраженным действиям против объекта высказывания со стороны третьего лица или группы лиц, например, насилие;
 - вызывание **эмоциональной реакции** у объекта высказывания, такой как чувство обиды или душевные страдания/растерянность; или
 - **отрицательное влияние на общественное отношение** путем «распространения» или «разжигания» ненависти;
 - Необходимость доказывания **причинно-следственной связи** между высказыванием и указанным вредом;
 - Необходимость того, чтобы вред был **вероятным** или **наступающим**.
 - Необходимость наличия **выступления в пользу причинения вреда**, подразумевающая наличие у автора высказывания **намерения** вызвать вред, и **публичное распространение** высказывания.

Как следствие, понимание значения «языка ненависти» может лежать в любой точке между общим знаменателем и определением, включающим в себя различные комбинации вышеперечисленных факторов. В то же время, определения часто слишком неясны в отношении одной или более деталей, позволяя гибкость в установлении «языка ненависти» в его различных проявлениях и создавая тем самым неопределенность и расхождение мнений в том, что же составляет «язык ненависти».

Ниже приведены лишь несколько примеров из практики различных органов и частных компаний, демонстрирующих разнообразие в подходах:

- **Европейский суд по правам человека** в определении, принятом также Комитетом Министров **Совета Европы**, рассматривает «язык ненависти» как «все формы выражения, распространяющие, поощряющие, возбуждающие или оправдывающие расовую ненависть, ксенофобию, антисемитизм или другие формы ненависти, основанные на нетерпимости, включая нетерпимость, выраженную в агрессивном национализме или этноцентризме, дискриминации и вражде в отношении меньшинств, мигрантов и людей иностранного происхождения.»⁸
- **YouTube**, в принципах сообщества, описывает «язык ненависти» как «контент, поощряющий насилие или ненависть против отдельных лиц или групп на основе определенных признаков, таких как раса или этническое происхождение, религия, инвалидность, пол, возраст, ветеранский статус или сексуальная ориентация/гендерная идентичность».⁹
- **Комитет ООН по ликвидации расовой дискриминации** понимает «язык ненависти» как «форму ориентированной на окружающих речи, которая отрицает основные принципы человеческого достоинства и равенства и направлена на умаление положения отдельных лиц или групп населения в глазах общества»;¹⁰
- **Комиссия Южной Африки по жалобам в сфере вещания** относит к «языку ненависти» «материал, который, если оценивать его в контексте, одобряет, поощряет или облагораживает насилие, основанное на расе, национальном или этническом происхождении, цвете кожи, религии, половой принадлежности, сексуальной ориентации, возраста или психосоциальной или физической инвалидности», а также «пропаганду войны, подстрекательство к прямому немедленному насилию или пропаганду ненависти, которая основана на расе, этнической принадлежности, половой принадлежности или религии и представляет собой призыв к причинению вреда».¹¹

⁸ Рекомендация No. R(97)20 Комитета министров Совета Европы по вопросам «языка ненависти» от 30 октября 1997 г. См. также Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ), *Gunduz v. Turkey*, No. 35071/97 (2004), параграфы 22 и 43. В Рекомендации СМ/Рес (2010)5 «о мерах по борьбе с дискриминацией по признаку сексуальной ориентации или гендерной идентичности», Комитет Министров затем рекомендовал следующее определение гомофобного и трансфобного «языка ненависти»: «все формы высказываний, в том числе в СМИ и в интернете, которые могут разумно пониматься как имеющие вероятность привести к возбуждению, распространению и поощрению ненависти или других форм дискриминации против лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендерных лиц».

⁹ [Youtube Community Guidelines](#), Hate speech.

¹⁰ Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Общая рекомендация № 35 «Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка», 26 сентября 2013 г., CERD/C/GC/35, параграф 10.

¹¹ [Code of the Broadcasting Complaints Commission of South Africa](#), в силе с 7 марта 2003 г.

Кто является объектом «языка ненависти»?

Попросту говоря, «язык ненависти» направлен на людей – отдельных лиц или групп – в силу того, кем они являются.

Артикль 19 считает, что основания для защиты от «языка ненависти» должны включать все защищенные характеристики, входящие в общие положения о недискриминации в международном праве прав человека. Хотя это кажется очевидным, данный подход иногда оспаривается.

По причине отсутствия общепринятого определения, обязательства, позволяющие или требующие ограничение определенных форм «языка ненависти» собраны по частям из разных международных оглашений.

Это усложняет задачу, поскольку не все договоры, имеющие дело с вопросом дискриминации, *требуют* от государств запрета «языка ненависти»¹². Более того, даже в договорах, *требующих* запрещения, перечень защищенных характеристик зачастую узок и сформулирован с осторожностью.

Для этого существуют два объяснения:

- Запреты на «язык ненависти» часто формулируются в ответ на масштабные или непрекращающиеся нарушения прав человек дискриминационного характера, в которых «язык ненависти» рассматривался в качестве одного из причинных факторов. Эти запреты отражают обстоятельства, на которые они реагируют, и могут также быть ограничены предрассудками, существующими в обществе на тот момент.¹³

¹² Например, хотя Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (МКЛРД) содержит широкую обязанность государств запрещать виды расистского «языка ненависти», Международная конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (МКЛДЖ) и Конвенция ООН о правах инвалидов не требуют напрямую такого рода запретов.

¹³ Например, хотя преследования геев, политических диссидентов и инвалидов в время Второй мировой войны широко задокументированы, Статья 20(2) МПГПП не признает напрямую ненависть, основанную на сексуальной ориентации, инвалидности или политических взглядов, как инструмент для подстрекательства лиц к насилию, вражде и дискриминации.

-
- Требования запретить «язык ненависти», содержащиеся в международных правовых документах, всегда были спорными, так как некоторые государства противостоят таким широким обязательствам, иногда из-за убеждения, что они чрезмерно ограничивают свободу выражения мнения.

Лоскутное одеяло из пересекающихся международных и региональных правовых документов ведет к различию в подходах к разным формам «языка ненависти» в национальном праве, в том числе и в отношении к защищенным характеристикам. Обозрение этих универсальных и региональных документов содержится в [Приложении I](#).

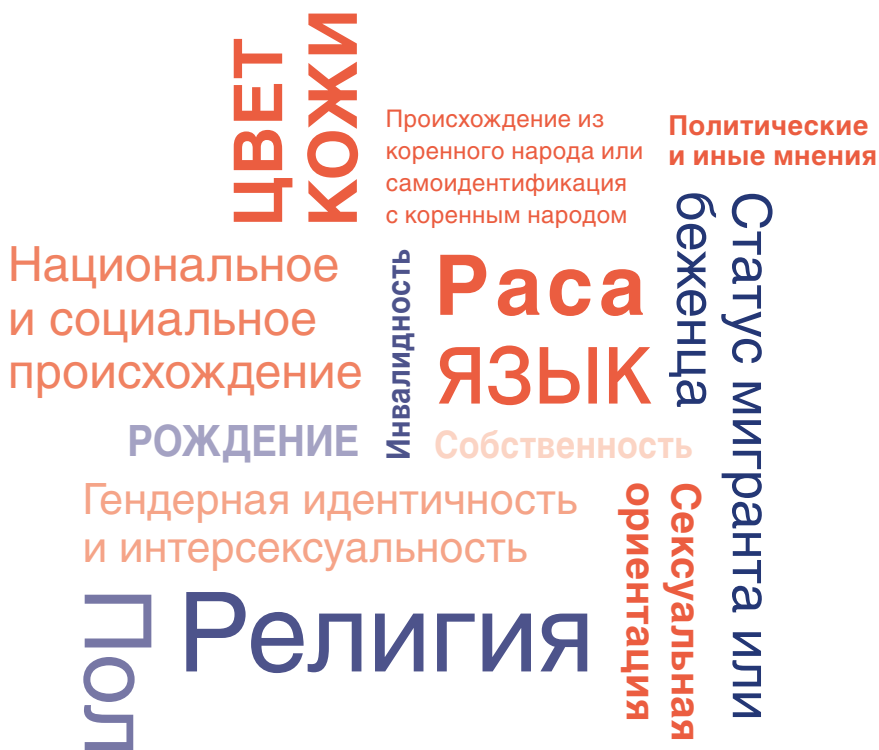
Артикль 19 всегда выступал за то, чтобы осуществление прав человека не ограничивалось излишне формалистской приверженностью изначальным формулировкам любого международного документа и даже намерениям его авторов, если такое толкование ведет без нужды к сужению в осуществлении прав.

Более того, международные документы в области прав человека со временем стали истолковываться в пользу принципа равенства, основанного на расширенном понимании этого термина, применяя его как к защищенным характеристикам, напрямую перечисленным в соглашениях, так и к основаниям, прямо не перечисленным.¹⁴ Многие государства признают в национальном законодательстве, запрещающем «язык ненависти», защищенные характеристики, которые отражают признаки, защищаемые более общими международными обязательствами по обеспечению равенства и недискриминации.

¹⁴ Статьи 2 и 26 МПГПП намеренно оставляют список защищенных признаков открытым, позволяя тем самым введение дополнительных характеристик путем расширительного толкования. См, например, Manfred Nowak, UN Covenant on Civil and Political Rights, CCPR Commentary, 2nd revised edition, стр. 628; а также ЕСПЧ, *Tyrer v. the UK*, A 26 (1978).

Защищенные характеристики

При условии наличия достаточных гарантий свободы выражения мнения мы считаем, что положения о «языке ненависти» должны включать максимально широкий спектр защищенных характеристик. Защищенные характеристики должны включать следующие основания, при этом не ограничиваясь ими:

К чему использовать термин «язык ненависти»?

Правильное отнесение определенных выражений к категории «язык ненависти» может играть важную роль в продвижении ценностей достоинства и равенства, которые лежат в основе международного права прав человека. Однако, следует избегать излишней готовности в навешивании на высказывания ярлыка «языка ненависти», поскольку его использование может иметь и негативные последствия. Данный термин вызывает сильные эмоции, и им можно злоупотреблять для оправдания непопустительных ограничений права свободы выражения мнения, в особенности в случае с маргинализированными и уязвимыми группами.

«Язык ненависти» как термин	
За	Против
Публичное признание и отказ от предубеждений, стоящих за «языком ненависти», и признание их связи с существующими или прошлыми вредными последствиями.	Пресечение правомерной дискуссии по вопросам общественной значимости, в частности со стороны лиц, наделенных властью.
Приглашение к более широкой дискуссии о последствиях «языка ненависти» для защиты прав человека.	Придание чрезмерного значения связи между высказываниями и предполагаемым ущербом (вследствие неправильной оценки влияния автора высказывания или вероятности материализации вреда) и/или игнорирование склонности людей к ответной дискуссии, которая обладает сильным и положительным эффектом.
Демонстрация солидарности и поддержки тех, против кого «язык ненависти» направлен, признание их достоинства и придание им силы для выражения собственного мнения.	Предположение, что говорящие намеренно выступают за причинение вреда, в то время как намерение могло быть либо более несерьезным (например, непродуманный или фривольный комментарий в социальных сетях), либо более сложным (сатира или провоцирование дискуссии по трудному вопросу, например посредством искусства).
Предоставление авторам ненавистнических высказываний и их сторонникам возможности услышать контраргументы.	Неверное подразумевание незаконности «языка ненависти» и призывы к уголовным и иным санкциям, которые могут быть неподходящими или неэффективными.

<p>Просветительство общества, улучшение понимания воздействия «языка ненависти» и снижения склонности к его использованию.</p>	<p>Увеличение аудитории для авторов высказываний, особенно если они могут выставить себя как «жертв» цензуры либо представить провал попыток цензуры как оправдание своих взглядов.</p>
<p>Создание возможности для мониторинга дискриминации в обществе в целях информированной политики в плане действенных ответных мер.</p>	<p>Усиление государственного контроля и государственного или частого секретного наблюдения за дискурсом, включая в интернете, и поощрение излишнего полагания на цензуру вместо решения вопроса институциональной дискриминации.</p>

В силу вышеперечисленных аргументов некоторые выступают за альтернативные, более узко сформулированные концепции, как, например, «опасный язык»¹⁵ или «язык страха»¹⁶, которые в большей степени концентрируются на склонности высказываний к возбуждению повсеместного насилия. В некоторых случаях, например, в резолюциях Совета по правам человека ООН, использование термина «язык ненависти» избегается в пользу более сложных формулировок, таких как «нетерпимость, формирование негативных стереотипных представлений, стигматизация, дискриминация, подстрекательство к насилию и насилие в отношении лиц на основе религии или убеждений»¹⁷ или «распространение дискриминации и предвзвешенных» или «возбуждение ненависти».¹⁸ Это, возможно, демонстрирует нежелание нормализовать или придать легитимность использованию выражения «язык ненависти», учитывая его статус как очень спорного термина.

¹⁵ Susan Benesch, *Dangerous Speech: A Proposal to Prevent Group Violence*, 23 февраля 2013 г.

¹⁶ A. Buysse, *Words of Violence: 'fear speech', or How Violent Conflict Escalation Relates to the Freedom of Expression*, *Human Rights Quarterly*, Vol. 91, стр. 1435 – 84.

¹⁷ Совет по правам человека, Резолюция 16/18 «Борьба с нетерпимостью, формированием негативных стереотипных представлений и стигматизацией, дискриминацией, подстрекательством к насилию и насилию в отношении лиц на основе религии или убеждений (Резолюция 16/18), A/HRC/Res/16/18, принята без голосования 24 марта 2011 г.

¹⁸ Совет по правам человека, Резолюция 29/21 «Положение в области прав человека в Мьянме в отношении мусульман-рохинджа и других меньшинств», A/HRC/Res/29/21, принята без голосования 3 июля 2015 г.

Предлагаемая типология «языка ненависти»

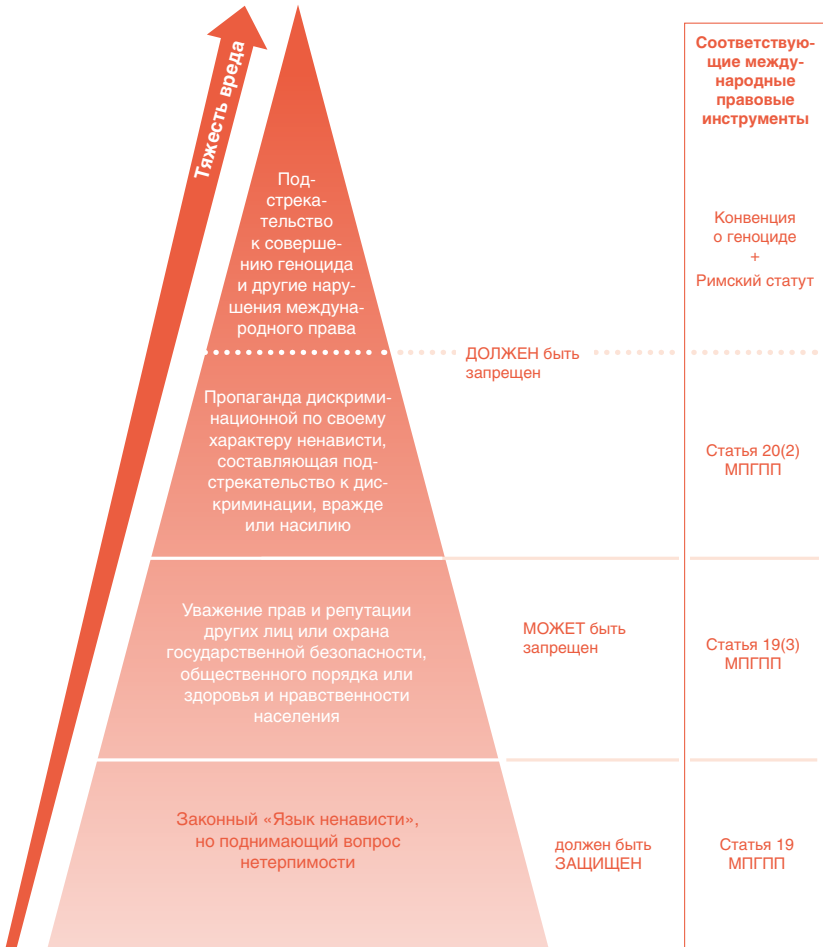
В силу приведенных выше причин мы предлагаем типологию «языка ненависти», градуированную в зависимости от его серьезности¹⁹ с тем, чтобы внести ясность в различные подкатегории выражений, которые охватываются общим понятием «язык ненависти», и облегчить избрание подходящих и эффективных мер реагирования на «язык ненависти». Мы предлагаем разделение «языка ненависти» на следующие три категории:²⁰

1. **«Язык ненависти», который должен быть запрещен:** международное уголовное право и параграф 2 статьи 20 МПГПП *требуют* от государств запретить определенные серьезные формы «языка ненависти», в том числе посредством уголовно-, гражданско- и административно-правовых мер;
2. **«Язык ненависти», который может быть запрещен:** государства могут запрещать иные формы «языка ненависти» при условии соблюдения требований, содержащихся в статье 19(3) МПГПП;
3. **«Язык ненависти», не нарушающий закон:** должен подлежать защите от ограничений по статье 19(2) МПГПП, но, тем не менее, вызывает озабоченность в плане нетерпимости и дискриминации и заслуживает критической реакции со стороны государства.

¹⁹ Анализ критерия серьезности в отношении каждой категории см. в *Части III*.

²⁰ Этот подход основан на подходе Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу убеждений и их свободное выражение (Специальный докладчик по свободе выражения мнения) в его ежегодном докладе Генеральной Ассамблее от 2012 г., A/76/357, 7 сентября 2012 г.

«Пирамида языка ненависти»

«Язык ненависти», который должен быть запрещен:

Международное право требует от государств запрета наиболее серьезных форм «языка ненависти». Такие запреты предназначены для предотвращения особого и непоправимого вреда, к причинению которого у автора есть намерение и способность побудить.

Они распространяются на:

- **«Прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида»** — запрещено в *Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него* 1948 г. (Конвенция о геноциде)²¹ и в *Римском статуте Международного уголовного суда* 1998 г. (Римский статут).²² Требование **запрещения подстрекательства к другим формам дискриминационных по своему характеру нарушений международного права**, например, **преследования** как преступления против человечности, не содержится в Конвенции о геноциде или в Римском статуте, однако его следует рассматривать в этой категории.
- **Пропаганда дискриминационной по своему характеру ненависти, составляющая подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию** по аналогии со статьей 20(2) МПГПП, но при этом еще отвечающее требованиям статьи 19(3) МПГПП.²³

²¹ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него , 9 декабря 1948 г, UN Treaty Series, vol. 78, p. 277, Статья 3(с).

²² Римский статут Международного уголовного суда, 17 июля 1998 г, ISBN No. 92-9227-227-6, статья 6, статья 25(3)(е). См. также Статью 4(с) Статута Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии и Статью 2(3)(с) Статута Международного уголовного трибунала по Руанде.

²³ Статья 20(2) МПГПП специально требует запрета только в отношении пропаганды национальной, расовой и религиозной ненависти. Однако АРТИКЛЬ 19 придерживается позиции, что пропаганда ненависти на основе любой другой запрещенной от дискриминации характеристики, признаваемой международным правом прав человека, может также быть запрещена.

-
- *Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации* (КЛРД)²⁴ в статье 4 содержит следующее требование: государства «осуждают **всякую пропаганду** и все организации, **основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения**, или пытающиеся оправдать, или поощряющие **расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме**, и обязуются принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение **всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации**, [...] в соответствии с принципами, содержащимися во Всеобщей декларации прав человека, и правами, ясно изложенными в статье 5 [КЛРД]». Комитет по ликвидации расовой дискриминации недавно принял Общую рекомендацию №35 «Борьба с ненавистническими высказываниями расистского толка», в которой он разъяснил соотношение сферы действия этого положения с защитой право на свободное выражения мнения.²⁵ КЛРД возлагает на государства позитивные обязательства по запрещению определенных типов высказываний, которые намного шире, чем требования, содержащиеся в статье 20(2) МПГПП. АРТИКЛЬ 19 в прошлом рекомендовал способы разрешения этого конфликта на основании Венской конвенции о праве международных договоров.²⁶

²⁴ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации, 21 декабря 1965 г., UN Treaty Series, vol. 660, p. 195.

²⁵ КЛРЖ, CERD/C/GC/35, 9 сентября 2013 г.

²⁶ [Венская конвенция о праве международных договоров 1969 г.](#), Статьи 31 и 32. Подробную информацию о согласовании различающихся стандартов МПГПП и МКЛРД см. в ARTICLE 19, Prohibiting Incitement, op.cit., Рекомендация 5.

«Язык ненависти», который может быть запрещен

Международное право прав человека позволяет государствам ограничивать выражение мнения в ограниченных и исключительных обстоятельствах при условии соблюдения трехчастного теста статьи 19(3) МПГПП. Такие ограничения должны:

1. быть установлены законом;
2. преследовать правомерную цель, такую как, например, уважение прав других лиц;
3. являться необходимыми в демократическом обществе.

Некоторые формы «языка ненависти» можно рассматривать как **конкретно направленные против распознаваемой жертвы**. Такого рода «язык ненависти» не отвечает критериям статьи 20(2) МПГПП, поскольку автор не стремится к подстрекательству других лиц к действиям против кого-либо на основе защищенной характеристики. Такого рода «язык ненависти» включает угрозы насилия, преследование и вербальную атаку.

Законный «Язык ненависти»

Высказывания могут быть провокационными и оскорбительными, но при этом не отвечать ни одному из приведенных выше критериев. Такие высказывания могут характеризоваться предрассудками и поднимать вопрос нетерпимости, но они не достигают уровня серьезности, при котором ограничения на выражение мнения оправданы (см. «Порог серьезности» ниже).

Это не препятствует принятию государством политики и правовых мер для преодоления лежащих в основе предрассудков, симптомом которых данная категория «языка ненависти» является, равно как и созданию максимальных возможностей для всех лиц, включая представителей органов власти, выступать против «языка ненависти».

В **части II** пособия разъясняется (неполный) спектр такого рода мер, к принятию которых государства должны поощряться.

Пример

Мальчик-подросток с маленьким числом подписчиков в Твиттере публикует оскорбительный и сексистский комментарий, обращающий в шутку исчезновение и вероятное убийство местной школьницы. Это вызывает сильную критическую реакцию против подростка в интернете, и он в итоге удаляет свой твит.

Хотя высказывание было оскорбительным и отражающим более глубокую проблему женоненавистничества, существующего в обществе, подстрекательство к причинению вреда определенной группе не было намерением подростка, и в любом случае он не обладает такого рода влиянием над своими подписчиками. Оправданным в отношении «язык ненависти» такого типа может быть мягкое вмешательство со стороны местных лиц, обладающих влиянием, таких как, например, учителей его школы или других лидеров местного сообщества. Однако основания для наказания или других ограничений, налагаемых государством, здесь отсутствуют.

Полезные ресурсы

- [Рабатский план действий](#) – важный документ, содержащий авторитетные практические рекомендации государствам по исполнению их обязательств по статье 20(2) МПГПП в плане запрета «всякого выступления в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющего собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию»;
- [Запрещение подстрекательства к дискриминации, вражде или насилию](#) – политика АРТИКЛЬ 19 по запрещению подстрекательства, развивающая толкование статьи 20(2) МПГПП;
- [Кемденские принципы по свободе выражения мнения и равенству](#) – набор принципов и рекомендаций, направленных на поощрение более широкого консенсуса в отношении надлежащего соотношения между уважением свободы выражения мнения и продвижением равенства.

«Язык ненависти» и «преступления на почве ненависти» — это одно и то же?

Понятия «язык ненависти» и «преступления на почве ненависти» часто смешиваются и используются взаимозаменяемо. Однако их следует различать. Оба феномена являются проявлением нетерпимости и предрассудков, но большинство преступлений на почве ненависти не связано с использованием свободой выражения мнения.

Хотя термин «преступления на почве ненависти» широко используется, использование эмоционально окрашенного слова «ненависть» может наводить на мысль, что любое проявление «ненависти», включая «язык ненависти», является уголовным преступлением. Это не так.

Хотя любой «язык ненависти» дает повод для беспокойства, он не всегда является преступлением и, соответственно, не является «преступлением на почве ненависти».

Термин «преступление на почве ненависти» указывает на совершение преступления в ситуации, когда преступник выбрал жертву полностью или отчасти исходя из «мотива предубеждения». Во многих странах термин «преступление на почве ненависти» используется в отношении некоторых уголовных преступлений в целях признания более широкого контекста предубеждений, в котором лицо стало жертвой. Это признание также имеет целью усиление доверия маргинализированных лиц к системе уголовного правосудия и позволяет им чувствовать, что их испытания, связанные с преступлением, признаны во всей полноте.

Как указывает Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), «преступление на почве ненависти» характеризуется наличием двух взаимосвязанных элементов:

- **«основное преступление»** (например, убийство);
- совершение преступления по **«мотиву предубеждения»** (например, против этнического меньшинства), что означает, что преступник избрал жертву своего преступления в силу ее «защищенной» характеристики.²⁷

Термин «преступление, мотивированное предубеждением» более точно передает тот факт, что уголовная ответственность зависит от доказанности свершения уголовного преступления, а не только наличия «ненависти».

²⁷ [Законодательство против преступлений на почве ненависти: практическое руководство](#), ОБСЕ, 2009.

Пример

Мусульманская семья вселяется в дом в городе, население которого состоит по большей части из христианских семей. Сосед разбивает в их доме окна. Прохожему, спросившему, зачем он это делает, он отвечает, что он должен добиться, чтобы «такие сюда больше не приезжали и не захватывали город».

В данном примере имело место преступное причинение вреда собственности, и совершивший преступные действия выказал мотив предубеждения в своем разговоре с прохожим. Он может быть подвергнут уголовному преследованию за причинение ущерба, квалифицированное как «преступление на почве ненависти», и получить в силу наличия мотива предубеждения более строгое наказание. Однако, его разговор с прохожим имеет значение только как доказательство его мотивации – данные высказывания не стали бы основанием для отдельного уголовного преступления.

Во многих случаях «преступлений на почве ненависти» «язык ненависти» не входит в состав основного преступления. Скорее, прозвучавший непосредственно до, во время или после совершения преступного деяния, он может служить свидетельством мотива предубеждения и может быть введен в дело как доказательство. В таких случаях обвиняемый не может ссылаться на свое право на свободу выражения мнения в качестве защиты.

Тем не менее, как было установлено выше, государства обязаны запрещать особенно серьезные формы «языка ненависти» и в исключительных ситуациях могут делать это посредством уголовного права. В этих случаях сам акт ненавистнического высказывания может быть уголовным преступлением. Согласно вышеизложенной типологии, наиболее серьезные формы «языка ненависти», которые могут правомерно вести к уголовной ответственности, включают в себя «подстрекательство к геноциду» и особенно серьезные формы «выступления в пользу [основанной на дискриминации] ненависти, представляющего собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию».

Пример

В преддверии президентских выборов, проходящих в атмосфере острой борьбы, действующий президент выступает с серией речей на многолюдных митингах. В ходе этих митингов он оглашает слухи о том, что сторонники оппозиции, в большинстве своем принадлежащие к другой этнической группе, вооружаются и представляют смертельную угрозу для его сторонников. По мере возрастания напряженности он начинает использовать окрашенные в расовые тона выражения, напоминающие инструкции, использованные в ходе массовых убийств в стране несколько десятилетий назад, призывая своих сторонников к незамедлительным действиям по обеспечению победы на выборах.

В этом случае президент использовал «язык ненависти», который можно обоснованно считать достигшим уровня **выступления в пользу ненависти, представляющего собой подстрекательство к насилию**. Он осознает и использует этническую напряженность в обществе и знает, что использование им, как влиятельным политиком, определенного выражения будет воспринято определенным образом людьми в толпе и вероятно побудит их к действиям против этнической группы, которая ассоциируется с оппозицией. Независимо от того, последует ли насилие или нет, этот тип «языка ненависти» может обоснованно подлежать уголовной ответственности как «преступление на почве ненависти».

Наряду с такими (особенно серьезными) формами «языка ненависти», которые государства обязаны запрещать, существуют другие формы «языка ненависти», которые государства могут ограничивать. Последняя категория включает в себя направленные против конкретных лиц и мотивированные предубеждениями формы угроз, словесных атак и приставаний (см. Типологию языка ненависти).

Пример

Однополая (женская) пара сталкивается в поезде с пассажиром, который начинает выкрикивать гомофобные и сексистские оскорбления в их адрес, вызывая у них обоснованный страх немедленного физического насилия.

Во многих странах данный инцидент преследовался бы (как и следует) как преступление, мотивированное предубеждением. Оскорбительные высказывания пассажира попадают под нашу широкую типологию «языка ненависти», но они также составляют преступное **нападение**. Реалистичная угроза насилия, содержащаяся в данных высказываниях, превращает их в уголовное деяние, и, поскольку оно характеризуется мотивом предубеждения, содержание данных высказываний также является доказательством мотива предубеждения.

Какого рода выражения не относятся автоматически к «языку ненависти»?

Учитывая путаницу с данной концепцией, полезно достичь ясности в отношении категорий выражений, которые не следует автоматически рассматривать как «язык ненависти». В этом разделе мы объясняем, почему следует отличать и, в большинстве случаев, защищать в рамках свободы выражения мнения некоторые концепции, которые часто неверно смешиваются с «языком ненависти».

Глубоко оскорбительные выражения

Международные стандарты в области свободы выражения мнения защищают высказывания, являющиеся оскорбительными, тревожащими или шокирующими,²⁸ и не позволяют ограничений, основанных исключительно на «обиде», нанесенной отдельному лицу или группе лиц. Международное право прав человека не предусматривает права индивида быть свободным от обиды, но оно однозначно защищает его право возражать и публично выступать против сторонников такого рода языка.

Тем не менее, государства зачастую наказывают за выражения, обозначенные как «оскорбительные», иногда даже различая степени оскорбления/обидности в целях определения рода наказания. Природа «оскорбления» по своей сути субъективна, позволяя государствам произвольно ограничивать определенные мнения. Слишком часто запреты «оскорбительных» высказываний также лишены четкости и ясности необходимых для того, чтобы граждане могли регулировать свое поведение в соответствии с законом. Следовательно, АРТИКЛЬ 19 считает, что **оскорбительность**

²⁸ ЕСПЧ, *Handyside v. UK*, App/ No. 5493/72, 7 декабря 1976г.; Замечание общего порядка No. 34, op. cit., параграф 11, включает в сферу действия «глубоко оскорбительные» формы выражения мнения.

никогда не должна служить основой для ограничения свободы выражения мнения, даже если выражение носит дискриминационный характер, в отсутствие доказательств того, что оно подпадает под одну из категорий, обозначенных в **Части III**.

Часто приводится аргумент о том, что некоторые выражения настолько оскорбительны, что они лишены какой-либо ценности и по своей сути вредоносны. Однако, этот аргумент игнорирует важность гарантий против злоупотребления властью со стороны государства, в том числе нарушений им прав меньшинств. Более того, импульс, который оскорбительные высказывания могут давать для высказываний и дискуссии противоположного характера, явно служит общественным интересам. Соответственно, общественная политика и законодательство, которые максимально увеличивают возможности для ответных высказываний, должны предпочитаться правовым ограничениям.

Богохульство или «диффамация религий»

Международное право прав человека защищает людей, а не абстрактные концепции, такие как религии или системы убеждений. Право на свободу выражения не может быть ограничено в целях защиты от критики религий, связанных с ними идей или религиозных символов либо для защиты чувств верующих от оскорбления или критики. На такого рода цели, среди прочих, государства ссылаются в обоснование сохранения своих законов о богохульстве вопреки международно-правовым стандартам в области прав человека.

Как правило, государственные запретительные меры в отношении богохульства принадлежат к одной или нескольким из перечисленных ниже категорий:²⁹

1. **Прямое богохульство:** преследует цель защиты религии, ее доктрин, символов или почитаемых личностей от усматриваемых критики, противоречия, презрения, стигматизации, негативных стереотипов или «диффамации»;
2. **Оскорбление религиозных чувств:** преследует цель защиты чувств группы людей «оскорбленных», «обиженных» или «возмущенных» случаями богохульства в отношении религии, с которой они себя ассоциируют;

²⁹ Данная типология основывается на анализе Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия), содержащемся в докладе [The relationship between freedom of expression and freedom of religion: the issue of regulation and prosecution of blasphemy, religious insult and incitement to religious hatred](#), октябрь 2008 г.

-
3. **Широко сформулированные/туманные законы, ограничивающие выражение мнений в отношении религии и убеждений:** широко или туманно сформулированные законы, часто касающиеся защиты общественной нравственности или общественного порядка, которые применяются для неправомерного ограничения свободного выражения мнения и пресечения дискуссий о религии или вере.

Мы рекомендуем, чтобы любые высказывания, подпадающие под вышеперечисленные категории, **не рассматривались как «язык ненависти»**, если они дополнительно не отвечают критериям распознавания «языка ненависти», изложенным выше. Они также не должны **подлежать ограничению**, за исключением исключительных ситуаций, когда они достигают **высокий порог серьезности, установленный для запрещения** (см. «[Порог серьезности](#)» и наш состоящий из [шести частей тест](#)).

Международные стандарты в области прав человека однозначно требуют **отмены запретов богохульства**. Это напрямую рекомендуется в **Рабатском плане действий**³⁰ и имеет сильную поддержку в **Замечании общего порядка №34** Комитета по правам человека.³¹ Несколько специальных процедур Совета ООН по правам человека также выразили озабоченность в отношении эффекта законов о богохульстве на права человека и рекомендовали их отмену.³² Эта позиция также получила отражение на региональном уровне в Совете Европы,³³ Европейском Союзе³⁴ и межамериканской системе защиты прав человека.³⁵

³⁰ Рабатский план действий, *op.cit.*

³¹ Замечание общего порядка № 34, *op.cit.*, параграф 48: «Запреты на разные формы неуважения к какой-либо религии или другим системам убеждений, в том числе законы о богохульстве, являются несовместимым с Пактом за исключением отдельных случаев, предусмотренных в пункте 2 статьи 20 Пакта». КПЧ также подчеркивает, что «нельзя допускать», чтобы любые такого рода ограничения «препятствовали критике религиозных лидеров и высказыванию замечаний по поводу религиозных доктрин и догматов веры»

³² Доклад Независимого эксперта по вопросам меньшинств, A/HRC/28/64, 2 января 2015 г.; Доклад Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений, A/HRC/28/66, 29 декабря 2014 г.; Доклад Специального докладчика по свободе выражения мнения 2012 г., *op.cit.*; Рабочая группа ООН по произвольным задержаниям, Мнение No. 35/2008 (Египет), 6 декабря 2008 г., параграф 38. Специальные процедуры были также поддержаны в этом вопросе региональными держателями мандатов, см. например [Совместная декларация об оскорблении религий и антитеррористическом и антиэкстремистском законодательстве](#) от 9 декабря 2008 г.

Существует несколько аргументов в поддержку отмены законов о богохульстве, сводящихся к тому, что такие законы противоречат международному праву прав человека и контрпродуктивны в принципе и на практике:

- Международное право прав человек различает между *защитой идей и убеждений* и *защитой прав людей* на основании их религии или убеждений. Право на свободу мысли, совести, религии и убеждений принадлежит индивидам,³⁶ а не защищает от критических замечаний или пристального анализа религии и убеждения как *таковые*.
- Ограничительные меры в отношении богохульства часто используются в целях воспрепятствования выражению непопулярных или спорных взглядов и наказания за них, мешая открытым и честным дискуссии и обмену мнениями. Это включает в себя внутри и межконфессиональный диалог, а также критику в адрес религиозных лидеров и комментарии по вопросам религиозной доктрины и религиозных догм. Находящиеся у власти часто применяют эти ограничительные меры для политической выгоды в целях преследования критиков и избегания ответственности, широко используя концепцию «богохульства» для преследования любого несогласия.
- Ограничительные меры в отношении богохульства часто используются для принуждения религиозных меньшинств, атеистов и нетеистов к молчанию. Право на свободу выражения мнения и право на свободу религии и убеждений полагаются на уважение плюрализма и недискриминации. Плюрализм имеет существенное значение, поскольку глубокие религиозные убеждения одного верующего могут

³³ Рекомендация Совета Европы 1805(2007), [Богохульство, религиозные оскорбления и язык ненависти против лиц на почве их религии](#), 29 июня 2007 г. См также доклад Венецианской комиссии, *op.cit.*, параграф 89. ЕСПЧ еще не рассмотрел ни одного дела о богохульстве с момента выхода доклада Венецианской комиссии, но в прошлом он установил, что применение ограничений в отношении богохульства входит в пределы усмотрения государства, см.: *Otto-Preminger-Institut v. Austria*, 20 сентября 1994 г.; см. также: *Wingrove v. UK*, App. no. 17419/90, 25 ноября 1996 г. (заметьте, что в 2008 г. Великобритания отменила свой закон о богохульстве); *.A. v. Turkey*, App. no. 42571/98, 13 сентября 2005 г.; сравните с *Giniewski v. France*. App. No. 64016/00, 31 января 2006 г.; *Klein v. Slovakia*, App. No. 72208/01, 31 октября 2006 г.

³⁴ См, например, *Руководящие принципы Европейского Союза по вопросу поощрения и защиты свободы религии и убеждений* (2013 г.)

³⁵ Межамериканский суд по правам человека, *The Last Temptation of Christ* (Olmedo-Bustos et al.) v. Chile, 5 февраля 2001 г.

³⁶ Гарантированное, например, в статье 18 МПГПП

быть оскорбительны для другого и наоборот. Создавая предпочтение для одной системы вероисповедания, в законе или на практике, ограничительные меры против богохульства неизбежно дискриминируют против тех, кто придерживается религии или убеждений меньшинства.

Следовательно, АРТИКЛЬ 19 настоятельно рекомендует государствам отменить любые запреты богохульства, относящиеся к любой из перечисленных выше трех категорий.

В некоторых случаях высказывания, рассматриваемые как «богохульство», могут быть средством выражения ненависти в отношении определенной группы по причине защищенной характеристики, такой как религия или убеждения. В большинстве случаев, хотя такие высказывания могут вызывать тревогу по поводу нетерпимости, они не обязательно достигают уровня, позволяющего правомерное ограничение свободы слова. Там, где этот уровень достигнут, реакция государства должна быть основана исключительно на статьях 20(2) и 19(3) МПГПП, как разъясняется в Части III, а на защите религий и убеждений самих по себе.

Отрицание исторических событий

Во многих странах существуют различные формы «законов об исторической памяти», запрещающие любые высказывания, которые отрицают факт определенных событий истории, часто связанных с периодами особо серьезных преследований, геноцида и других нарушений международного уголовного права. Зачастую отрицание истории является прямой атакой на человеческое достоинство жертв и тех, кто связан с ними. Оно часто поддерживает надуманные теории заговора, согласно которым зверства были организованы или фальсифицированы самими жертвами, и оправдывает дальнейшую дискриминацию. Законы об исторической памяти, таким образом, имеют целью предотвращение вопиющих преступлений в будущем, в том числе посредством борьбы с наследием дискриминации.

В международном праве аргументы исторической правды как таковые не имеют особой защиты: международные стандарты в области свободы выражения мнения не позволяют ограничивать свободы выражения мнений или идей исключительно на том основании, что они являются «ложными» или «неправдивыми», даже если они глубоко оскорбительны.³⁷

Более надежным способом установления того, что является исторической правдой, являются полноценные дискуссии и исследования, с изучением свидетельств в пользу каждой из конкурирующих версий и их оценки по существу.

³⁷ КПЧ, Замечание общего порядка № 34, *op. cit.*, параграф 49.

Там, где какие-то версии исторической правды возведены в догму и государство поставлено перед задачей их принудительного обеспечения, ценность и качественные свойства открытых дебатов, поддерживаемых доказательствами, недооцениваются, а предпочтение отдается постоянному закреплению одной трактовки, принятой в один определенный момент. Как было сказано Специальным докладчиком ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение (Специальный докладчик по свободе выражения мнений),

*«требуя от писателей, журналистов и граждан придерживаться лишь той версии событий, которая одобрена правительством, государства имеют возможность подчинить свободу выражения мнений официальной версии событий».*³⁸

Артикль 19 придерживается мнения, что такого рода законы об исторической памяти и вытекающие из них запреты не являются необходимыми в демократическом обществе и, в действительности, контрпродуктивны. Судебные преследования позволяют индивидам, отрицающим исторические события, приобретать статус «мучеников». Они предоставляют им возможность (к которой некоторые из них могут намеренно стремиться) рекламы своих идей для более широкой аудитории под маркой нонконформизма и сопротивления истеблишменту и для искаженного выставления судебного преследования как свидетельства честности их конспирологических теорий.

Законы об исторической памяти также вызывают серьезные сомнения в плане правовой определенности. Зачастую возникают вопросы в отношении того, что представляет собой «установленный исторический факт», особенно в контексте законов, предусматривающих отрицание преступлений, которые имеют узкое правовое определение или связаны со сложными фактическими обстоятельствами, остающимися предметом широкой исторической или юридической дискуссии. Это неопределенность становится еще более очевидной в отношении законов, которые не только запрещают отрицание определенных событий в истории, но также «упрощение», «приуменьшение», «оправдание» или «героизацию» таких событий – терминов, не имеющих определения в международном праве прав человека и открытых для злоупотребления.

Мы признаем тот факт, что отрицание исторических событий часто является средством пропаганды ненависти по отношению к выжившим жертвам и иным лицам, связанным с жертвами этих преступлений. Хотя они вызывают озабоченность по поводу нетерпимости и могут правомерно рассматриваться как «язык ненависти»,

³⁸ Доклад Специального докладчика по свободе выражения мнений 2012 года, *op.cit.*, параграф 55.

запрет на такие высказывания должен ограничиваться только случаями, достигающими уровень **пропаганды дискриминационной ненависти, представляющей собой подстрекательство к насилию, вражде или дискриминации.**³⁹ Нужно четко отделять защиту прав индивидов от защиты «утверждений исторической правды» — только первое может являться основанием для какого-либо ограничения права на свободу выражения мнения.

Подстрекательство к террористическим актам и насильственному экстремизму

В последние десятилетия терроризм и ответ на него со стороны государства подняли ряд вопросов в отношении свободы выражения мнения. С одной стороны, люди могут избираться в качестве мишени для террористических атак в результате осуществления ими своего права на свободное выражение мнения, когда атакующие стремятся к насаждению самоцензуры путем запугивания и ограничению свободной дискуссии. С другой стороны, реакция властей привела к необоснованным или несоразмерным ограничениям основных прав, включая свободу выражения мнения.

В контексте усилий государств в области предотвращения терроризма, такие понятия, как «подстрекательство к терроризму», «насильственный экстремизм» и «радикализация», смешиваются иногда с «языком ненависти».

Согласно международному праву государства обязаны запрещать **подстрекательство к совершению террористических актов.**⁴⁰ Однако, будучи ограничением

³⁹ В Общей рекомендации № 35 Комитет по ликвидации расовой дискриминации привел свою аргументацию ближе к позиции КПЧ по вопросу о законах об исторической памяти, рекомендуя «признать публичное отрицание или попытки оправдать геноцид и другие преступления против человечности в соответствии с их определением в международном праве уголовными преступлениями при условии, что они явно провоцируют расово мотивированное насилие или ненависть» (параграф 14). Замечание общего порядка № 34, *op. cit.*, гласит: «Законы, предусматривающие меры наказания за выражение мнений об исторических фактах, являются несовместимыми с предусмотренными Пактом обязательствами государств участников уважать свободу мнений и право на их свободное выражение. В Пакте не предусмотрено широкого запрета на выражение ошибочных мнений или неверной интерпретации событий, происшедших в прошлом. Ограничения на свободу мнений не должны навязываться ни при каких условиях, а ограничения в отношении права на свободное выражение мнений не должны выходить за рамки требований, предусмотренных пунктом 3 статьи 19 или статьей 20» (параграф 49).

⁴⁰ Резолюция Совета безопасности ООН 1624(2005), параграф 1(ф). В международном праве отсутствует общепризнанное определение терроризма и террористических актов.

свободы выражения мнения в целях защиты национальной безопасности, такие меры должны соответствовать тесту из трех частей, изложенному в статье 19(3) МПГПП. Йоханнесбургские принципы предусматривают, что выражение мнения может быть ограничено как угроза национальной безопасности, только если государство может показать, что

1. высказывание сделано с намерением подстрекательства к непосредственному насилию;
2. есть вероятность, что оно такое насилие возбудит;
3. есть прямая и непосредственная связь между высказыванием и вероятностью или возникновением такого насилия.⁴¹

Используя этот тест, Специальный докладчик ООН по вопросам противодействия терроризму предложил типовое определение преступления в виде подстрекательства к терроризму:

*Это преступление заключается в умышленном и противозаконном распространении или направлении иным образом обращения к общественности с целью подстрекательства к совершению террористического преступления, если такое поведение, являющееся или не являющееся прямой пропагандой террористических преступлений, создает угрозу того, что такое преступление или преступления могут быть совершены.*⁴²

Однако многие государства используют аргументы «национальной безопасности» с тем, чтобы ограничить значительно более широкую категорию высказываний, чем та, что рекомендована в этом типовом определении. Такие ограничения включают запрет «оправдания», «поощрения» и «героизации» террористических актов, а также «экстремизм» и «радикализацию». Эти концепции не требуют доказательства намерения побудить к насильственным действиям и не требуют какой-либо причинно-следственной связи либо между высказыванием и вероятностью насилия, либо между высказыванием и возникновением насилия.

⁴¹ [Йоханнесбургские принципы в области национальной безопасности, свободы выражения мнения и доступа к информации](#), АРТИКЛЬ 19 (2006), Принцип 6.

⁴² Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите прав человека и основных свобод в условиях борьбы с терроризмом, 22 декабря 2010 г., A/HRC/16/51, параграфы 30 – 31.

Такие широкие запреты являются неоправданными согласно международным стандартам в области прав человека.⁴³ Они не обладают правовой определенностью и могут применяться произвольно в целях ограничения правомерной политической дискуссии, а также цензурирования мнений меньшинств или несогласных граждан относительно террористических атак и эффективности и приемлемости реакции властей на них и даже для цензурирования обсуждения более широких вопросов общественной значимости. Высказывания на эти темы часто носят эмоциональный характер и зачастую тесно взаимосвязаны с вопросами идентичности, и в таком контексте «язык ненависти» может получать более широкое распространение. Однако, хотя и порождая озабоченность в плане терпимости, такие высказывания зачастую не представляют угрозы «национальной безопасности». Применение к ним мер, предусмотренных для защиты национальной безопасности, не только несоразмерно, но еще и контрпродуктивно и чревато дискриминацией и стигматизацией.⁴⁴

⁴³ См. Замечание общего порядка № 34, параграф 46: «Государствам участникам следует обеспечивать совместимость антитеррористических мер с пунктом 3. Такие правонарушения как «поощрение терроризма» и «экстремистская деятельность», а также правонарушения «восхваления», «прославления» или «оправдания» терроризма должны иметь четкие определения для гарантии того, что их применение не ведет к неуместному или несоразмерному вмешательству в осуществление права на свободное выражение мнений. Кроме того, следует избегать чрезмерных ограничений на доступ к информации. СМИ играют ключевую роль при предоставлении населению информации о террористических действиях, поэтому нельзя допускать неправомерного ограничения их работы. В связи с этим журналисты не должны подвергаться наказаниям за то, что они законно выполняют свои функции». На региональном уровне ЕСПЧ в решении по делу *Leroy v. France*, (App. No. 36109/03), 2 октября 2008 г. не нашел нарушения свободы выражения мнения в ситуации, когда карикатурист и редактор журнала были подвергнуты уголовному преследованию за изображение нью-йоркских атак 11 сентября с подписью «Мы мечтали об этом... Хамас это сделал». Учитывая политический контекст в Стране Басков, в которой журнал издавался, суд нашел, что аргументы Франции о том, что карикатура и подпись были способны вызвать насилие и иметь вероятный эффект на общественный порядок в регионе, были «уместными и достаточными».

⁴⁴ В 2015 г. мандаты ООН и региональных организаций в сфере свободы выражения мнения выпустили совместную декларацию «О свободе выражения мнения и реагировании на ситуации конфликта», в которой они подчеркнули, что «цензура не является эффективным ответом на экстремизм, что открытая и критическая дискуссия – важная часть любой стратегии, направленной на решение проблемы систематических атак на свободу выражения мнения и их первопринцип, и что излишне широкая криминализация слова может вести к сокрытию беспокойства и поводов для недовольства и способствовать проявлениям насилия».

Пример

После взрыва в месте отправления религиозных обрядов, посещаемом представителями доминирующей религиозной группы, пользователь сети Фейсбук, не связанный с атакой, помещает публичную запись, в которой в дискриминационном и легкомысленном стиле говорится, что жертвы «получили по заслугам». Пользователь имеет несколько сот «френдов», и запись вызывает яростную реакцию с обеих сторон. Пользователь не является политиком или общественным лидером.

В некоторых странах чрезмерно широкое в охвате антитеррористическое законодательство (например, запрещающее «оправдание» или «героизацию» терроризма) позволило бы привлечь данного пользователя к уголовной ответственности несмотря на то, что данное высказывание не имеет намерением подстрекательство к террористической атаке и вряд ли может к ней привести. Хотя высказывание глубоко оскорбительно и является «языком ненависти», также маловероятно, что оно, учитывая контекст, достигает уровня, позволяющего ограничение «языка ненависти». Хотя Фейсбук может принять решение об удалении данного комментария в соответствии со своими правилами и условиями, сеть не должна быть по закону обязана это делать.

Следовательно, АРТИКЛЬ 19 рекомендует, чтобы государства **запрещали подстрекательство к терроризму**, но также чтобы они четко отличали его от «языка ненависти» в широком плане и обеспечивали, чтобы такой запрет обязательно включал следующие элементы: (1) намерение побудить к террористическим актам и (2) вероятность совершения или совершения атаки как следствие высказывания. Законы, не отвечающие этим требованиям, должны быть отменены..

Защита «государства» и представителей власти

Государства регулярно используют ярлык «языка ненависти» для того, чтобы дискредитировать и даже запрещать критические высказывания в адрес государства, государственных символов (таких как флаг и герб) или лиц, наделенных властью. Некоторые национальные законы напрямую запрещают «оскорбление» или «осквернение» абстрактных понятий или государственных должностей, в то время как другие содержат более двусмысленные запреты «подрывной агитации» или высказываний, направленных против «национального единства» или «национальной гармонии».

Международные стандарты не позволяют ограничения свободы выражения мнения в целях защиты «государства» или его символов от оскорблений или критики. Эти объекты не могут быть мишенью «языка ненависти», поскольку они не являются людьми и, соответственно, носителями прав.⁴⁵ Для физических лиц, связанных с государством, таких как глав государств и других представителей власти, их статус не является «защищенной характеристикой», которая может служить основанием для аргументов о дискриминации или квалифицирования высказывания как «языка ненависти». На самом деле, это правомерно, что представители власти должны подлежать критике и политическому оппонированию.⁴⁶ От них ожидается появление более высокой степени терпимости в отношении критики, чем от других лиц.⁴⁷

Хотя свобода выражения мнения может быть ограничена для защиты «национальной безопасности» или «общественного порядка», эти основания не могут быть использованы для подавления критики или несогласия, защиты представителей власти от публичного унижения или для сокрытия противоправных деяний.⁴⁸ Как говорится в Йоханнесбургских принципах:

*Никто не может быть наказан за критику или оскорбление нации, государства или его символов, правительства, государственных ведомств или государственных и общественных деятелей, а также зарубежной нации, государства или его символов, правительства, государственных ведомств или государственных и общественных деятелей, если только эта критика или оскорбление не направлены на подстрекательство к насильственным действиям или же могут повлечь такие действия.*⁴⁹

⁴⁵ См., например, Общее замечание № 34, *op. cit.*, параграф 38.

⁴⁶ *Ibid.* См. также решение Верховного Суда США по делу *US v. Eichman*, 496 U.S. 310 (1990), в котором уголовное преследование за сожжение флага США было признано неконституционным.

⁴⁷ См., например, Африканская комиссия по правам человека и народов, Resolution on the Adoption of the Declaration of Principles on Freedom of Expression, Октябрь 2002 г., Principle XII “protecting reputations”; ЕСПЧ, *Otegi Mondragon v. Spain*, No. 2034/07, 15 марта 2011 г.

⁴⁸ Йоханнесбургские принципы, *op. cit.*, Принцип 2(b): «ограничение, вводимое для защиты интересов национальной безопасности, не является легитимным, если его истинной целью и доказуемым результатом является защита интересов, не относящихся к национальной безопасности, включая, например, защиту репутации правительства и недопущение огласки его неправомочных действий, или сокрытие информации о функционировании государственных учреждений, или навязывание определенной идеологии, или сдерживание забастовочного движения». См. также Замечание общего порядка № 34, параграф 38.

⁴⁹ Йоханнесбургские принципы, *op. cit.*, Принцип 7(b).

Пример

В ходе ежегодного чествования национальных вооруженных сил, противники недавних военных кампаний устраивают протест, на котором они подвергают уничтожению различные «национальные символы», включая флаг и портрет исторического деятеля, ассоциирующегося с основанием нации.

Хотя действия протестующих могут быть для некоторых оскорбительными, они являются политическим высказыванием, имеющим целью донести политическую позицию. Символы государства и армии как государственного института не являются физическим лицом и, как следствие, не защищаются в качестве объекта «языка ненависти». К тому же, от индивидуальных военных, как представителей государственной власти, следует ожидать терпимости в отношении критики своих действий – и, помимо всего прочего, они лично не являются объектом данного протеста.

«Диффамация», клевета

Понятия «диффамация», «desacato» (в испаноязычных странах) и «клевета» (в устной и письменной форме) часто путают с «языком ненависти».

Общей целью законов о диффамации является защита репутации отдельных лиц против ложных утверждений о фактах, которые наносят ущерб их репутации. Иски о диффамации не требуют от истцов демонстрации наличия «пропаганды ненависти». К тому же, в контексте исков о диффамации, «группы» индивидов не имеют личной репутации или оснований претендовать на статус личности в правовом смысле в целях использования мер судебной защиты.

Таким образом, АРТИКЛЬ 19, в принципе, считает проблематичными законы, позволяющие «группам» подавать иски о диффамации, и рекомендует их отмену. Взамен, вред, причиненный группе людей вследствие «языка ненависти», должен быть предметом судебных исков или уголовного преследования в рамках легитимных правовых положений о «языке ненависти».

⁴⁵ См., например, Общее замечание № 34, *op. cit.*, параграф 38.

Часть II: Реагирования на «язык ненависти»

В данном разделе АРТИКЛЬ 19 описывает разнообразные меры реагирования на «язык ненависти» и предубеждения и нетерпимость, симптомом которых «язык ненависти» является.

Мы рекомендуем, чтобы реакция на «язык ненависти» была основана на трех взаимодополняющих сферах действия:

1. Государства должны создавать **способствующую среду** для осуществления права на свободу выражения мнения и защищать право на равенство и недискриминацию;
2. Государства должны принимать **набор позитивных мер в области государственной политики** с целью поощрения свободы слова и равенства;
3. Другие заинтересованные стороны, в том числе гражданское общество, СМИ и частный бизнес, должны поощряться к принятию **добровольных инициатив** по преодолению коренных причин предубеждений и нетерпимости и оспариванию и опровержению «языка ненависти».

1) Создание способствующей среды прав на свободу выражения мнения и равенство

Создание способствующей среды для права на свободу выражения мнения и равенство является не только обязанностью государства по международному праву,⁵⁰ но и существенным условием для обеспечения максимальных возможностей для изобличения «языка ненависти» и противодействия ему. Государства должны обеспечить ратификацию универсальных и региональных соглашений в области прав человека, гарантирующих право на свободу выражения мнения и право на равенство, а также обеспечить, чтобы эти права были в полной мере инкорпорированы в национальную правовую систему.

а) Способствующая среда для права на свободу выражения мнения

Помимо гарантий данного права в национальных конституциях и аналогичных актах, государства должны обеспечить, чтобы все законодательство и политика

⁵⁰ См. также Приложение 1

соответствовали международным стандартам в области свободы выражения мнения. В частности, любые ограничения свободы выражения мнения должны быть предусмотрены законом, сформулированы в узких рамках преследования правомерного интереса и необходимы в демократическом обществе для защиты этого интереса.

i) Любая стратегия способствования действенным ответным мерам в отношении «языка ненависти» должны включать отмену или реформу законов, чрезмерно ограничивающих право на свободу выражения мнения, в частности, законов, направленных против меньшинств и маргинализированных групп или несоразмерно их затрагивающих. АРТИКЛЬ 19 рекомендует, чтобы все государства – там, где это применимо — **отменили**:

- **все виды законов о богохульстве;**⁵¹
- **все законы, защищающие абстрактные концепции «национальной идентичности» и национального единства**, включая положения, защищающие государство или его институты и символы от критики и высмеивания, такие как законы о «подрывной агитации»;
- **все законы, устанавливающие уголовную ответственность за диффамацию**, включая законы, специально защищающие представителей власти и глав государств от насмешек и оскорблений (такие как, например *desacato*);⁵²
- **все законы, продвигающие чрезмерно широкие понятия «общественной нравственности» или защищающие так называемые «традиционные ценности»**, в случаях, когда такие законы дискриминируют по признакам пола, гендерной идентичности или сексуальной ориентации;⁵³

⁵¹ См. Рабатский план действий, *op. cit.*, параграф 19, и Кемденские принципы, *op. cit.*, Принцип 12.3.

⁵² См, например, ARTICLE 19, Defining Defamation, Лондон 1999 г.

⁵³ См. [Именем традиции: попытки заставить замолчать представителей сообщества ЛГБТ](#), АРТИКЛЬ 19, 2013 г.

⁵⁴ См. АРТИКЛЬ 19, [Принципы права на протест](#), (публикация предстоит).

⁵⁵ См., например, Специальный докладчик ООН по вопросу о праве на свободу мирных собраний и праве на свободу ассоциации, [Твои права на одной странице: Серия информационных листовок](#).

-
- **законы, требующие разрешения на протест или запрещающие спонтанные (контр-) протесты**, поскольку они ограничивают способность граждан эффективно и коллективно мирно реагировать на насилие и нетерпимость, в том числе на проявления «языка ненависти»;⁵⁴
 - **законы, создающие дискриминационные, ненужные или несоразмерные препятствия на пути свободы ассоциации**, поскольку такие положения, в частности, те, что ограничивают доступ к ресурсам, ограничивают способность организаций гражданского общества активно проводить мониторинг и реагировать на случаи дискриминации и насилия;⁵⁵
 - **далекоидущие контртеррористические и антиэкстремистские законы**, с тем чтобы обеспечить, чтобы любые ограничения свободы выражения мнения были узко подогнаны к защите действительных интересов в области национальной безопасности, и чтобы оградить меньшинства от дискриминации или профайлинга.⁵⁶

ii) Государства также должны приложить многократные усилия к тому, чтобы **положить конец безнаказанности за атаки на независимые и критические голоса**. Во многих странах открытое выступление и организация мероприятий против нетерпимости и дискриминационного насилия могут вести к опасениям за безопасность самих выступающих и их коллег и членов семьи. Угрозы и другие формы насилия в отношении людей, реализующих свое право на свободу выражения мнения, и безнаказанность за такие преступления, представляют проблему, требующую немедленного решения и имеющую сдерживающее воздействие на общество в целом.

Государства должны обеспечить однозначное осуждение любых атак против лиц, осуществляющих свое право на свободу выражения мнения. Представители власти должны избегать заявлений, которые могут рассматриваться как поощрение или поддержка таких атак.

⁵⁴ См. Йоханнесбургские принципы, *op.cit.*

⁵⁵ См. например, [Совместная декларация держателей мандатов в области свободы выражения мнения «О преступлениях против свободы выражения мнения»](#), июнь 2012 г.

В частности, государства должны:⁵⁷

- Ввести особые меры защиты лиц, в отношении которых существует вероятность того, что они могут стать объектом атак из-за их высказываний – в ситуациях, когда такого рода атаки являются периодически возникающей проблемой;
- Обеспечить, чтобы преступления против свободы выражения мнения были предметом независимого, скорого и эффективного расследования и уголовного преследования;
- Обеспечить доступ к соответствующим средствам правовой защиты для жертв преступлений против свободы выражения мнения.

iii) Государства также должны обеспечить прозрачность в ведении государственных дел и гарантировать право каждого человека на доступ к информации. Культура официальной секретности, в которой право на доступ к информации отрицается, позволяют влиятельным лицам перекладывать вину на меньшинства или маргинализованные группы, с тем чтобы отвлечь внимание от их собственных проступков или политических провалов. Напротив, культура открытости и свободного потока информации делает такие попытки манипулирования с групповыми идентичностями менее эффективным политическим приемом. Она также предоставляет в общественный доступ информацию, которая может быть использована против таких попыток разделения. Прозрачность и подотчетность также способны развивать доверие к государственным институтам и веру в них среди всех сегментов общества и, таким образом, уменьшать восприимчивость отдельных лиц и групп к призывам к «отмщению».

iv) Государства должны обеспечить, чтобы право на свободу выражения мнения было полностью защищено в отношении цифровых технологий. Цифровые технологии критически важны для всех, но особенно для лиц, принадлежащих к меньшинствам или маргинализованным группам, в качестве средства получения знаний, развития и поиска поддержки в отношении идентичностей и связанных с ними вопросов. Они также позволяют строить вместе с другими сообщества и публично высказываться по значимым вопросам, в том числе против нетерпимости и языка ненависти.

⁵⁸ См., например, АРТИКЛЬ 19, [Right to Online Anonymity](#), июнь 2015.

Однако, передаваемое через интернет количество материала, какая-то часть которого является противоправной и вредной, означает растущее давление на государства и частные компании в отношении усиления контроля за онлайн-контентом. Оно включает призывы запретить анонимность для пользователей интернета или облегчить ее снятие, а также предложения, чтобы посредники активно отслеживали и удаляли контент и/или чтобы посредники подлежали ответственности в случае невыполнения таких действий. Такого рода меры могут представлять угрозу для самой сути Интернета как открытого и публичного форума для полноценного обмена мнениями и идеями, а также могут ограничивать Интернет как креативное пространство для изобличения и оспаривания «языка ненависти» и противодействия ему. В этой связи АРТИКУЛЬ 19 рекомендует государствам следующие меры:

- Защищать право на анонимность как ключевой элемент права на свободу выражения мнения и поощрять частный бизнес к обеспечению анонимности в качестве реально существующей альтернативы для пользователей;⁵⁸
- Обеспечить, чтобы посредники не несли ответственность за контент, созданный третьими сторонами, и чтобы любые требования ограничить контент основывались на постановлении судебного органа;⁵⁹
- Обеспечить пользователей интернета действенными средствами защиты в отношении частных лиц, неправомерно ущемляющих права человека пользователей.

b) Обеспечение полной защиты права на равенство и недискриминацию

Помимо гарантирования права на равенство и недискриминацию в национальных конституциях и их эквивалентах, государства должны обеспечить, чтобы все национальные законы гарантировали равенство перед законом и равную защиту законом, а также должны гарантировать запрет дискриминации по всем основаниям, признанным в международном праве прав человека.⁶⁰

Зачастую именно из-за отсутствия полноценных и действенных антидискриминационных правовых систем индивиды, которые в наибольшей степени затронуты «языком ненависти», ограничены в выборе средств возмещения вреда. Почти при полном отсутствии альтернатив они время от времени прибегают к уголовному праву, которое часто не обеспечивает эффективный механизм разрешения случаев дискриминации и может быть контрпродуктивным.

⁵⁹ См. [Манильские принципы ответственности посредников](#).

⁶⁰ Дополнительную информацию о том, какие защищенные характеристики признаются в международном праве прав человека см. [Приложение I](#).

i) Для обеспечения полной защиты права на равенство и недискриминацию на практике АРТИКЛЬ 19 рекомендует действовать в двух параллельных направлениях. Государствам следует:

- **Отменить любые законы и политику**, которые формально или неформально институционализируют дискриминацию и исключение по любым их защищенных признаков, признанных в международном праве прав человека. Само их существование создает среду, в которой дискриминация игнорируется или скрыто поощряется.
- **Принять или усилить антидискриминационное законодательство** и, в частности, обеспечить, чтобы такие законы, как минимум:
 - Защищали против **прямой дискриминации**, т.е. неблагоприятного отношения к лицу по сравнению с отношением к другим лицам в сопоставимых ситуациях по причине защищенной характеристики;
 - Защищали против **косвенной дискриминации**, т.е. случаев, когда нейтральная норма, критерий или практика затрагивают группу, определяемую на основе защищенной характеристики, существенно более негативным образом, чем других в схожей ситуации;
 - Позволяли принятие временных **особых мер** для решения вопроса косвенной дискриминации и обеспечения равенства по существу, пока такие меры необходимы и соразмерны;⁶¹
 - Включать **максимально широкий спектр защищенных характеристик**, признанных в международном праве прав человека в качестве оснований для дискриминационных ненависти и действий;
 - Применяться к **широкому кругу сфер**, включая: трудоустройство, социальная поддержка и доступ к социальным пособиям, образование, предоставление товаров и услуг, жилье, доступ к правосудию, личная и семейная жизнь, включая вступление в брак, участие в политической жизни, включая свободу выражения мнения, свободу ассоциации и свободу собрания, и правоохранительная деятельность;

⁶¹ См., например, Комитет по ликвидации расовой дискриминации, Общая рекомендация № 32 о значении и сфере применения особых мер в МКЛРД, CERD/C/GC/32, 24 сентября 2009 г, параграфы 21-26; также КЛДЖ, Общая рекомендация № 25 по статье 4(1) МКЛДЖ, A/59/38 (supp), 18 марта 2004 г, параграф 22.

-
- Содержать **исключения в пользу** случаев, в которых различительное отношение объективно основано на правомерной цели и избранные средства достижения этой цели уместны и необходимы;
 - Предусматривать **набор мер правовой защиты**, главным образом в **гражданском и административном праве**, а также неправовых механизмов возмещения вреда, таких как медиация и альтернативные способы разрешения споров, которые могут предоставляться через учреждения по вопросам равенства.

ii) В дополнение, государства должны обеспечить, чтобы их **уголовное законодательство** в полной мере признавало «преступления на почве ненависти» и предусматривало соразмерное наказание, а также включало максимально широкий спектр защищенных характеристик. Должен существовать мониторинг эффективности исполнения этих законов, с тем чтобы добиваться поощрения жертвы к заявлению о таких преступлениях и обеспечивать сбор официальной статистики по числу заявленных случаев и успешным расследованиям, разбитой по типам соответствующего предубеждения.

iii) Государства должны создать **независимые учреждения по вопросам равенства** или усилить их роль, либо расширить мандат **национальных правозащитных учреждений** (НПЗУ)⁶² по продвижению и защите равенства и недискриминации, в том числе в контексте права на свободу выражения мнения.

Такие учреждения должны надлежащим образом обеспечиваться полномочиями, отвечающими следующим задачам:

- Развитие механизма сбора статистики о степени и последствиях дискриминации в приоритетных сферах в целях информированных развития, мониторинга и оценки законов и политики и поощрения эмпирических и иных исследований по данной тематике;
- Помогать законодателям и правительству в развитии законов и политики, отвечающим международным обязательствам в области прав человек, в том числе в отношении свободы слова и недискриминации, поощряя полное и эффективное участие гражданского общества в этом процессе;

⁶² Все НПЗУ должны учреждаться в соответствии с [Принципами, касающимися статуса национальных учреждений, занимающихся поощрением и защитой прав человека](#) (Парижские принципы), Резолюция ГА 48/134 от 20 декабря 1993 г.

-
- Принимать жалобы о случаях дискриминации и, где уместно, предоставлять механизмы альтернативного/добровольного разрешения споров;
 - Дополнять правительственные механизмы раннего предупреждения или координационные центры по мониторингу трений внутри или между различными общинами, а также предоставлять им информацию;
 - Поощрять и, где это уместно, поддерживать различные механизмы межобщинного диалога и взаимодействия.

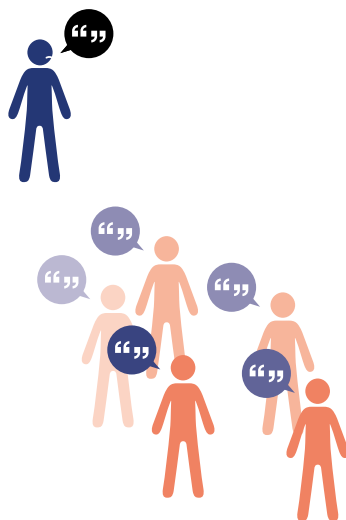
Важно, чтобы НПЗУ или учреждения по вопросам равенства не работали в одиночестве: они должны быть наделены способностью строить партнерские отношения с государственными органами и, где это уместно, с негосударственными участниками и гражданским обществом в целях преодоления коренных причин дискриминации. В этой связи, они должны играть существенную роль в **формировании и реализации национальных планов действий** по преодолению коренных причин дискриминации, основанных на мерах, описанных в данном пособии, а также в Резолюции Совета по правам человека 16/18 и Рабатском плане действий.

2) Позитивные меры государственной политики

Артикль 19 рекомендует, чтобы, в целях решения вопроса предрассудков и дискриминации и в целях реагирования на «язык ненависти», государства в первую очередь использовали *позитивные (активные) неюридические меры*, распространяющиеся на все аспекты общественной жизни. Такие меры должны основываться на твердой приверженности представителей власти к уважению прав человека и поощрению диалога и участия из всех слоев общества.

Признание существования нетерпимости и выступление против нее

Политикам и представителям государственной власти принадлежит ключевая роль в признании фактов нетерпимости и дискриминации, включая случаи использования «языка ненависти» и незамедлительного их **публичного осуждения**. Это требует признания факта и осуждения самого такого поведения (равно как и предубеждения, проявлением которого оно является), выражения симпатии и поддержки в отношении индивидов и групп, ставших объектом такого поведения, и толкования таких инцидентов как вредных для общества в целом. Такого рода действия особенно важны в ситуациях серьезных или легко поддающихся эскалации межобщинных трений, или когда политические ставки высоки, например, в преддверии выборов.

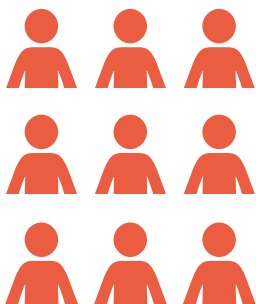
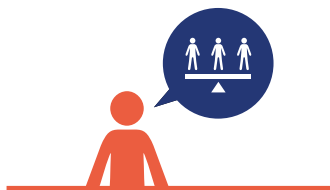
Раннее и действенное вмешательство со стороны представителей власти может играть важную профилактическую роль в предотвращении эскалации напряженности, заставляя других воздерживаться от подобного поведения. Оно также способно играть важную роль в создании пространства для высказываний против «языка ненависти» со стороны других участников, в частности, тех, кто стал мишенью «языка ненависти», и тех, кто им симпатизирует, включая «молчаливое большинство», на выступление от имени которого выразители «языка ненависти» часто претендуют. Таким образом, представители власти могут играть ключевую

роль в иницировании и поощрении широкого диалога, способного противодействовать нетерпимости и дискриминации.

Обстоятельства, в которых выступления представителей власти против нетерпимости и дискриминации являются наиболее эффективными, требуют дальнейшего изучения. Осуждения «языка ненависти» может быть недостаточно, если представители власти не реагируют убедительно и по существу на лежащие в основе опасения и заблуждения, делающие сегменты общества восприимчивыми к ненавистническим высказываниям. Реакция представителей власти должна быть проработанной и должна идти дальше осуждения, с тем чтобы обеспечить убедительные, основанные на фактах контр-нарративы, которые бы обращались к озабоченности и тревогам общественности и, где необходимо, оспаривали их. Однако представителям власти следует избегать реагирования на случаи «языка ненависти» в ситуациях, когда такая реакция привлечет ненужное внимание к позиции маргинальных лиц или групп, не имеющих влияния на публичный дискурс.

Важно, чтобы представители власти были осведомлены о том, что важно **избегать заявлений, которые могут поощрять дискриминацию или подрывать равенство**, и чтобы они понимали опасность тривиализации насилия или дискриминации, в том числе в форме «языка ненависти», и понимали возможность того, что их молчание по поводу таких актов может быть истолковано как скрытое одобрение. В этой связи, государственные органы должны иметь четкие правила, регламентирующие поведение лиц, выступающих в качестве представителей власти. Принятие политическими партиями кодексов этики и внутренней политики нетерпимости к дискриминации также следует рассматривать как позитивные меры.

Обучение по вопросам равенства

Построение доверия к способности государственных учреждений к решению вопросов нетерпимости и дискриминации требует от государственных служащих полной осведомленности о природе дискриминации и ее последствиях для различных индивидов и групп и полной приверженности целям продвижения равенства.

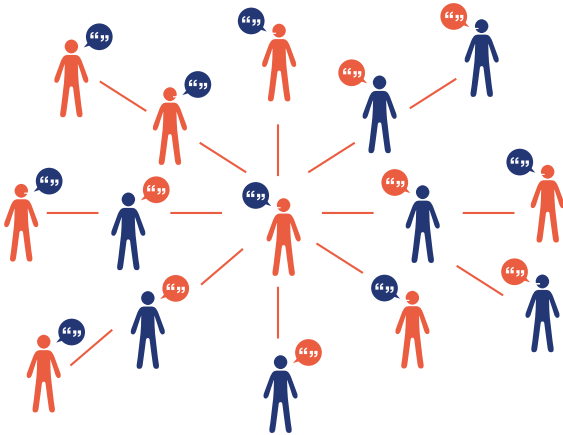
Государства должны организовать обучение для государственных служащих, общественных деятелей и государственных учреждений по вопросам равенства и недискриминации, особенно в ситуациях, когда дискриминация институционализована и исторически не встречала сопротивления. В приоритетные направления должны входить школы и другие образовательные учреждения, вооруженные силы, полиция, судебные органы, медицинские работники, юридические услуги, политические ассоциации и религиозные учреждения.

Образование по вопросам равенства может составлять часть широкого спектра мер, рассчитанных на решение проблемы институциональной дискриминации. О нем следует ясно сообщать общественности, тем самым демонстрируя, какие меры предпринимаются в плане построения доверия к институтам государственной власти.

Государственная политика, направленная на плюрализм и равенство в СМИ

Все государства должны обеспечить наличие публичной и правовой системы для существования **разнообразных и плюралистских СМИ**, которая бы поощряла плюрализм и равенство, в соответствии со следующими принципами:

- Такая система должна уважать основное правило о том, что любое регулирование СМИ должно осуществляться только органами, которые независимы от правительства, подотчетны общественности и функционируют в прозрачной манере;
- Такая система должна поощрять право различных общин/сообществ на свободный доступ к СМИ и информационным и коммуникационным технологиям и их свободное использование в целях производства и тиражирования собственного контента, а также получения контента, произведенного другими, независимо от государственных границ.⁶³

⁶³ Кемденские принципы, *op. cit.*, Принцип 5.

Такая система должна реализовываться с помощью следующих мер, среди прочих:

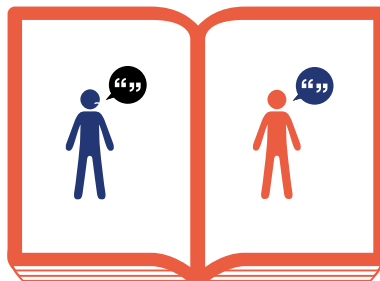
- Способствование всеобщему и недорогому доступу к средствам коммуникации и приема медиа-услуг, включая телефон, Интернет и электричество;
- Устранение дискриминации в отношении права на учреждение газет, радио и телевизионных станций и других коммуникационных систем;
- Выделение достаточного ‘пространства’ для использования в целях вещания на различных платформах, с тем чтобы общество в целом имело возможность получать широкий ассортимент вещательных услуг;
- Справедливое разделение ресурсов, включая вещательные частоты, среди общественных, коммерческих и общинных СМИ, с тем чтобы вместе они представляли все многообразие культур, общин и мнений в обществе;
- Требование, чтобы состав органов управления организаций, осуществляющих регулирование СМИ, в общих чертах отражали общество в целом;
- Установление эффективных механизмов для предотвращения чрезмерной концентрации медиа- собственности;
- Предоставление государственной поддержки, финансовой и иной, в рамках независимого и прозрачного процесса и основанной на объективных критериях, для способствования предоставлению надежной, многосторонней и своевременной информации для всех и созданию материала, вносящего важный вклад в многообразие и способствующее диалогу между общинами;

-
- Отмена любых ограничений на использование языков меньшинств, которое имеет своим результатом сдерживание или воспрепятствование существованию СМИ специально ориентированных на различные общины;
 - Включение многообразия, в том числе и в смысле ориентированности СМИ на различные общины, в число критериев рассмотрения заявок на лицензии на вещание;
 - Обеспечение того, чтобы дискриминируемые и маргинализированные группы имели равный доступ к медиа-ресурсам, включая возможности для обучения.

Ценности общественного служения в СМИ должны защищаться и укрепляться путем трансформации государственных или подконтрольных государству СМИ, усиления существующих структур общественного вещания и путем обеспечения адекватного финансирования для общественных СМИ, с тем чтобы гарантировать плюрализм, свободу выражения мнения и равенство в постоянно меняющемся медийном ландшафте.

Общественные образовательные и информационные кампании

Общественные информационные и образовательные кампании особенно важны в противодействии негативным стереотипам и дискриминации в отношении людей в силу их защищенных характеристик. Основанные на точной информации, такие кампании могут развеять популярные мифы и заблуждения и вооружить людей большей уверенностью в себе, необходимой для распознавания и оспаривания проявлений нетерпимости в повседневном общении.

В частности, общественные информационные и образовательные кампании должны быть интегрированы в системы начального, среднего и высшего образования, и дополнены конкретной политикой против травли (буллинга), включая предоставление служб поддержки жертв буллинга, включая товарищеские инициативы. В частности, следует уделять внимание обеспечению разнообразия точек зрения/культур в школьных материалах и избежание включения в учебники стереотипов и предрассудков против определенных групп.

Трансформационное правосудие

На этапах, следующих за широкомасштабными нарушениями прав человека, включая широко распространённую и систематическую дискриминацию, механизмы по обеспечению **установления истины, справедливости, примирения и возмещения вреда** показали себя в качестве позитивных средств установления авторитетного и разделяемого всеми толкования «истины» в отношении событий истории, предоставляя основу для примирения в расколотых обществах.

Напротив, там, где открытые и инклюзивные дебаты и критическое обсуждение исторических событий подавляется в пользу односторонне провозглашенных или юридически обязательных «истин», глубинные недовольство и недоверие между различными общинами могут сохраняться и создавать угрозу повторения конфликта.

Государства могут играть важную роль в процессе официального и публичного признания эффекта и наследия событий или систематических проблем с дискриминацией или насилием, а также в **символическом отмечании определенных событий или дат** с целью преодоления последствий соответствующих событий и обеспечения возмещения вреда. Для этого часто создаются публичные объекты, такие как монументы, музеи и места для внутриобщинных встреч, а также предпринимаются более широкие усилия, чтобы помочь людям прийти к пониманию и принятию произошедшего.

3) Добровольные инициативы иных стейкхолдеров

Иные стейкхолдеры помимо государства могут также играть важную роль в поощрении равенства и недискриминации и права на свободу выражения мнения. Многие из них рассматривают такую деятельность в качестве центрального элемента своей корпоративной и/или социальной ответственности.

Инициативы гражданского общества

Члены гражданского общества играют критическую роль в продвижении защиты и поощрения прав человека – даже в случаях, когда это не является центральным элементом их мандата. Их деятельность может занимать основное место в реагировании на «язык ненависти», по мере того как они предоставляют пространство для формального и неформального взаимодействия между людьми схожего или различного происхождения и площадки, с которой индивиды могут осуществлять право на свободное выражение мнения и реагировать на случаи неравенства и дискриминации. На местном, национальном, региональном и международном уровнях инициативы гражданского общества входят в число наиболее инновационных и действенных в плане мониторинга и реагирования на случаи нетерпимости и насилия, а также противодействия «языку ненависти».

Инициативы гражданского общества часто разрабатываются и реализуются людьми и общинами, которые в наибольшей степени пострадали от дискриминации и насилия. Они предоставляют уникальную возможность для позитивного посыла для общественности и ее просвещения, а также для мониторинга природы и эффекта дискриминации. Следовательно, исключительно важно обеспечить безопасную и благоприятную среду для функционирования гражданского общества.

Мобилизация влиятельных игроков и институциональные альянсы

Повышение общественного понимания дискриминации и ее последствий требует воспитания диалога и взаимодействия между государством, гражданским обществом и обществом в целом. Ключевым участникам следует пытаться создавать **альянсы для сотрудничества** в плане мер, направленных на проявления нетерпимости и предубеждения в обществе – в частности, путем изыскания поддержки со стороны неправительственных организаций, полиции, разработчиков государственной политики, учреждений, ответственных за обеспечения равенства, представителей творческих профессий, религиозных организаций и международных организаций.

Роль независимых и плюралистских СМИ

Любая политика в отношении «языка ненависти», которая направлена на СМИ, должна уважать основополагающий принцип регулирования СМИ органами, независимыми от политического влияния, подотчетными обществу и прозрачными в работе. Редакционная независимость и медийный плюрализм не должны страдать, поскольку они незаменимы для функционирования демократического общества.

В отношении вещательных СМИ, любая система регулирования должна содействовать правам меньшинств и маргинализированных групп на свободный доступ к СМИ и информационным и коммуникационным технологиям и их использованию для производства и распространения собственного материала и для получения материала, произведенными другими лицами, независимо от границ.⁶⁴

Все формы СМИ должны признавать тот факт, что они несут моральную и социальную ответственность по продвижению равенства и недискриминации в отношении наиболее широкого возможного спектра защищенных характеристик. В отношении своих уставов, СМИ должны предпринимать шаги для:⁶⁵

- обеспечения того, чтобы их штат сотрудников был разнообразен и представлял общество в целом;

⁶⁴ Кемденские принципы, *op. cit.*, Принцип 5.

⁶⁵ Кемденские принципы, *op. cit.*, Принцип 6.

-
- исследования, настолько широко, насколько это возможно, вопросов, касающихся всех групп в обществе;
 - стремления к разнообразию источников и голосов внутри различных общин вместо представления их как монолитных образований;
 - соблюдения высоких стандартов информационного обеспечения, отвечающих признанным профессиональным и этическим стандартам;
 - принятия и эффективного исполнения профессиональных кодексов поведения для СМИ и журналистов, которые бы отражали принцип равенства.

Для активного противодействия дискриминации, органам СМИ следует рассмотреть следующие шаги:

- приложение усилий для донесения информации с учетом контекста и в тактичной и основанной на фактах форме;
- обеспечение донесения до сведения общественности случаев дискриминации;
- проявление понимания опасности того, что дискриминация и негативные стереотипы в отношении отдельных лиц и групп, могут быть усилены благодаря СМИ;
- избегание ненужных ссылок на расовую принадлежность, религию, пол, сексуальную ориентацию, гендерную идентичность и другие групповые характеристики, способных к поощрению нетерпимости;
- улучшение осведомленности о вреде, причиняемом дискриминацией и негативными стереотипами;
- репортажи о различных группах и общинах и предоставление их членам возможности высказаться и быть услышанными в такой форме, которая бы способствовала большему их пониманию, в то же время отражая точки зрения этих групп и общин;
- программы профессионального развития, которые бы улучшали осведомленность о роли, которую СМИ могут играть в содействовании равенству, и необходимости избегать негативных стереотипов.⁶⁶

⁶⁶ Основано на Принципе 9 Кемденских принципов, *op. cit.* См. также, АРТИКЛЬ 19, [Getting the facts right: reporting ethnicity and religion](#), май 2012 г.

Общественные вещательные службы должны быть обязаны избегать негативных стереотипов в отношении отдельных лиц и групп, и их мандат должен требовать от них содействия межгрупповому взаимопониманию и воспитания лучшего понимания различных общин и проблем, с которыми они сталкиваются.

В плане средств правовой защиты доступных в рамках механизмов саморегулирования, право на исправление или на ответ должно быть гарантировано в целях защиты прав на свободу выражения мнения и равенство. Это должно давать лицам возможность требовать от органа СМИ опубликования или передачи в эфире исправления в тех случаях, когда данный орган распространил неверную информацию.

Роль посредников в Интернете

Все чаще внимание обращается на роль посредников в распознании и реагировании на «язык ненависти» в Интернете.

Посредники, включая хостинговые компании, провайдеров Интернет-услуг, поисковые системы и площадки для социальных сетей, играют ключевую роль в обеспечение доступа к информации через Интернет. В большинстве случаев, это частные компании, работающие во многих странах одновременно. Как правило, они не занимаются созданием или модификацией контента, способствуя, вместо этого, коммуникации, осуществляемой пользователями. Тем не менее, от них все чаще требуют участия в модерировании контента. В некоторых случаях это включает в себя прямое регулирование со стороны государства или введение режимов гражданско-правовой ответственности, требующих, чтобы посредники отслеживали и удаляли предположительно противоправный контент. Данные факторы влияют на то, как посредники осуществляют модерирование контента.

Посредники также предпринимают добровольные инициативы по установлению условий пользования их услугами, сохраняя за собой в определенных случаях роль модератора. Такие «правила и условия» (иногда, чтобы быть менее похожими на контракт, они называются «правила сообщества» или «руководящие принципы») различаются в плане высказываний, которые они ограничивают, хотя многие включают запрет на «язык ненависти» или аналогичные высказывания. Подходы к модерированию значительно различаются, так же как и степень прозрачности процесса модерирования и наличия внутренних механизмов для опротестования решения модератора.

Создается впечатление, что существует множество факторов, поощряющих растущую тенденцию к удалению посредниками ненавистнического контента, включая:

- давление к приведению политики посредников в соответствие с национальным законодательством некоторых стран, в которых они хотят сохранить или расширить свое присутствие, при том, что такое законодательство часто не соответствует международным стандартам в области свободы выражения мнения. Это часто ведет к применению раздробленных стандартов или к применению стандартов, основанных на *наименьшем общем знаменателе*;
- давление к сотрудничеству с государством и, в некоторых случаях, общественностью по проблеме «языка ненависти», и демонстрации энтузиазма в модерировании контента посредством саморегулирования, с тем чтобы избежать принудительных и более дорогостоящих форм регулирования;
- реакцию на финансовое давление со стороны рекламодателей и других источников дохода, которые не желают ассоциироваться с предполагаемым «языком ненависти».

Существует ряд причин для беспокойства относительно роли посредников в модерировании контента, в том числе «языка ненависти». Они, в частности, включают:

- **Недостаточные механизмы защиты свободы выражения мнения:** правила и условия многих посредников склоняются к ограничению более широкого круга высказываний чем тот, который государствам позволено ограничивать по международному праву прав человека. Охват так называемой «частной цензуры» значителен и проблематичен с точки зрения моральных и социальных обязательств поощрять и защищать все права человека. Инициативы по поощрению

посредников к серьезному отношению к такого рода обязательствам часто игнорируют интересы права на свободу выражения мнения. Более того, существуют серьезные сомнения по поводу пригодности бизнеса, чья мотивация состоит, главным образом, в получении прибыли, для объективной оценки конфликтующих прав и интересов;

- **Отсутствие прозрачности и подотчетности** в процессе принятия посредниками решений об удалении контента, в том числе в отношении того, как контент помечается и удаляется (например, автоматизировано ли модерирование контента, и, если нет, какого рода обучение и поддержка существуют для модераторов). Многие посредники не публикуют информацию об удалениях, сделанных по собственной инициативе, в противоположность удалениям по требованию государства или других компаний. Это создает серьезные барьеры для анализа или оценки поведения посредников как «частных цензоров».
- **Отсутствие процессуальных гарантий и доступа к эффективным средствам правовой защиты** в случаях удаления контента или применения иных санкций посредниками. Есть озабоченность, что государства могут пользоваться механизмами сообщения пользователями о предположительно неправомерном контенте или своим влиянием в отношении частных компаний, с тем чтобы запрашивать удаление контента, которое они сами юридически не вправе требовать – или с тем чтобы обойти процессуальные гарантии, ограничивающие любые возможности к принуждению, которыми они располагают. Делегирование государством надзора за контентом в пользу посредников лишает пользователей возможности оспорить санкции против них или выдвинуть аргументы в свою защиту.

Хотя в последние годы возникло множество инициатив по предоставлению пользователям возможности сообщать в целях его удаления о ненавистническом контенте (предположительно противоречащему закону или правилам посредника), сравнимые достижения по предоставлению пользователям возможности противостоять несправедливому или неоправданному удалению контента отсутствуют. Создается впечатление, что многие посредники не дают пользователям уведомления или причин удаления контента. Помимо удаления, другие санкции, применяемые посредниками, такие как приостановление или блокировка аккаунтов, редко сопровождаются уведомлением или возможностью обжалования или правой защиты.

-
- **Несоразмерный эффект удалений для пользователей, мнения которых отличаются/находятся в меньшинстве:** поскольку многие системы модерирования посредниками полагаются на сообщения от пользователей, мнения, которые находятся в меньшинстве или противоречат общепринятым мнениям, могут привлекать большее число жалоб и, следовательно, уязвимы для удаления. Сами пользователи, которые являются адресатами «языка ненависти», могут, таким образом, быть намеренно избраны в качестве мишени механизмов сообщения о неправомерном контенте и могут несоразмерно страдать от удалений и санкций против их аккаунтов. Это отражает тот неприятный факт, что многие пользователи интернета, сообщаящие о контенте, не в состоянии или, возможно, не желают отличить незаконный и вредный контент от контента, который они просто хотят увидеть удаленным в силу их собственных предрассудков.

Артикль 19 поощряет посредников к серьезному отношению к их социальной и моральной ответственности в области продвижения и защиты прав человека в соответствии с **Принципами Рагги**.⁶⁷

В этой связи, в качестве добровольного саморегулирования, мы поощряем посредников к следующим шагам:

- включение в свои правила и условия крепкой приверженности продвижению и защите прав человека, включая права на свободу выражения мнения и права на равенство и недискриминацию;
- обеспечение права пользователей на анонимность в стандартном порядке, не требуя использования «настоящего имени» или предоставления документов, удостоверяющих личность, для открытия аккаунта в социальной сети;
- обеспечение того, чтобы любые ограничения, основанные на контенте, были прописаны в правилах и условиях в ясном и доступном стиле, с тем чтобы пользователи могли понимать, какие виды контента могут подвергаться ограничениям;

⁶⁷ см. http://www.ohchr.org/Documents/Issues/Business/A-HRC-17-31_AEV.pdf.

-
- обеспечение того, чтобы каждый процесс применения санкций к пользователям, включая удаление контента и приостановление аккаунта, был ясно прописан в правилах и условиях;
 - исследование механизмов для поощрения пользователей к реагированию на «язык ненависти» и его оспариванию вместо использования удаления контента посредником как главного средства; это может включать улучшение осведомленности пользователей о важности прав на свободу выражения мнения и на равенство и недискриминацию;
 - требование к пользователям предоставлять достаточную информацию при подачи жалобы о конкретном контенте, включая: (i) оспариваемый контент; (ii) причины, по которым желают удаления контента; (iii) информацию о заявителе; (iv) декларацию о добросовестности/честных намерениях;
 - обеспечение того, чтобы правила и условия использовали в отношении «языка ненависти» высокий порог для применения ограничений, который бы отражал насколько возможно стандарты, описанные в части 3 данного пособия;
 - обеспечение соразмерности в применении каких-либо санкций к нарушителям правил и условий, принимая в расчёт вред от предполагаемого нарушения и предыдущее поведения пользователя (на данной площадке). Приостановление должно быть последним средством;
 - обеспечение того, чтобы пользователи получали достаточно детальное предварительное уведомление о существовании жалобы в отношении их контента в сочетании с возможностью оспаривания жалобы до наложения санкций. В отсутствие предварительного уведомления посредники должны, как минимум, давать последующее уведомление о факте удаления контента, включая причины и доступные внутренние механизмы обжалования.

Роль осмысленного диалога между разными группами

Отсутствие осмысленного межгруппового диалога и стоящее за ним изоляция и закрытость часто выделяются как значительный фактор в межгрупповых трениях, когда «язык ненависти» получает большее распространение, а подстрекательство к насилию, вражде и дискриминации становится более вероятным.

Продолжительный и действенный диалог между различными группами, в частности, между различными религиозными общинами, может служить эффективным профилактическим средством, уменьшая напряженность и подозрительность в отношениях между группами. Это может быть особенно полезным в ситуациях, когда эскалация межгрупповых трений до уровня подстрекательства к актам насилия и дискриминации или совершения таких актов уже имела место в прошлом. Однако, для того, чтобы быть эффективным, диалог должен предоставлять пространство для настоящего, а не символического, обмена мнениями и позволять обсуждение различий и расхождений. Диалог также должен быть инклюзивным, позволяя участие иных представителей общин помимо «традиционных» лидеров.

Более того, важной формой построения доверия и хороших отношений может также выступать неформальное взаимодействие между общинами, отдельное от межгруппового диалога (например, в контексте спортивных и культурных обменов) либо рассчитанное на решение практических вопросов, представляющих общий интерес. Эффект от межгруппового диалога и инициатив в сфере общения может быть увеличен, когда они получают публичную поддержку от государства.

Помимо формальных и неформальных «диалогов», представители различных общин, в частности, религиозных и иных общинных лидеров, должны быть наделены способностью публично выступать против нетерпимости и дискриминации. Это особенно важно, когда сторонники нетерпимости и дискриминации позиционируют себя как представляющих или выступающих от имени конкретных общин или групп интересов. Религиозные и общинные лидеры обладают подходящими качествами не только для опровержения таких претензий, но и для того, чтобы участвовать в споре по существу и, таким образом, предлагать убедительный контр-нарратив.

Часть III: Ограничение «языка ненависти»

В настоящем разделе мы разъясняем, каким конкретно требованиям должны отвечать ограничения на высказывания, входящие в наиболее «серьезные» категории «языка ненависти» в пирамиде «языка ненависти», описанной в предыдущих разделах.

Согласно международным стандартам в области прав человека, право на свободу выражения мнения не является абсолютным и может в исключительных случаях подлежать ограничениям при условии, что они проходят тест из трех частей по Статье 19(3) МПГПП. Таким образом, любые государственные меры, нацеленные на ограничение «языка ненависти» должны:

1. **быть установлены законом:** любые законы или подзаконные акты должны быть сформулированы с достаточной четкостью, с тем чтобы дать возможность лицу возможность следить за своим поведением соответствующим образом;
2. **преследовать законную цель,** которая может быть исключительно одной из следующих: уважение прав и репутации других лиц или охрана государственной безопасности, общественного порядка (*ordre public*) или здоровья и нравственности населения;
3. **быть необходимыми в демократическом обществе** — что требует от государства установить конкретно и применительно к данным обстоятельствам точный характер угрозы и необходимость и соразмерность конкретной предпринимаемой меры, в частности, наличие прямой и непосредственной связи между высказыванием и угрозой.

Любое ограничение «языка ненависти» должно удовлетворять каждый из элементов этого трехчастного теста. Это включает в себя случаи, когда международное право отдельно *обязует* государство наложить запрет на определенные формы «языка ненависти», а именно: **прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида** и любые формы пропаганды дискриминационной по характеру ненависти, представляющей собой **подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию**.

При этом важно помнить, что не все формы «языка ненависти» могут быть правомерно ограничены и что большая доля будет защищена правом на свободу выражения мнения, даже если такие высказывания глубоко оскорбительны (см. [Часть I](#)).

Прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида

Конвенция о геноциде в статье 3(с) обязует государства запрещать и наказывать в уголовном порядке любое «прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида» в дополнение к актам геноцида как таковым. Как упоминалось выше, это обязательство повторено в Статуте Международного уголовного суда и в статутах специальных международных уголовных трибуналов ООН.

Геноцид определяется как одно из пяти (не ограничивающихся только убийством) типов деяний, «совершаемы[х] с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую». Защищённые характеристики в этом случае более ограничены по сравнению с кругом характеристик, признанных в международном праве прав человека.⁶⁸

Уголовная ответственность за **прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида** требует доказательства присутствия нескольких ключевых элементов. Они важны, поскольку они позволяют отличать подстрекательство к геноциду от других, менее серьезных форм «языка ненависти». На международном уровне специальные международные уголовные трибуналы ООН уточнили следующие элементы данного преступления, каждый из которых должен быть установлен для установления уголовной ответственности за него:

- **Публичное:** Высказывание, подстрекающее других лиц к совершению актов геноцида, должно быть «публичным», что означает, что должна присутствовать передача информации в публичном месте или в адрес общественности или ее части, например, посредством СМИ и цифровых технологий;⁶⁹
- **Прямое:** высказывание должно быть «прямым», т.е. содержание сообщения должно быть достаточно конкретным призывом к действиям, демонстрирующим тесную связь между высказыванием и угрозой возникновения актов геноцида. Однако «прямое» не означает открытое, так как скрытые/косвенные высказыва-

⁶⁸ Статья 2 Конвенции о геноциде указывает следующие пять типов деяний: (а) убийство членов такого рода группы; (b) причинения серьезных телесных повреждений или психологического вреда членам такого рода группы; (с) предумышленное создание для такого рода группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее; (d) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения в среде такого рода группы; (е) насильственная передача детей из такого рода группы в другую.

⁶⁹ ICTR, *Prosecutor v. Nahimana, Barayagwiz and Ngeze*, 3 December 2003, ICTR-99-52-T (Trial Chamber)

ния могут также напрямую подстрекать к геноциду, если его лингвистический и культурный контекст делают его достаточно ясным для его аудитории;⁷⁰

- **Умысел (намерение):** автор высказывания должен специально иметь своим намерением подстрекательство к геноциду и рассчитывать на то, что акты геноцида будут иметь место. Для этого требуется, чтобы автор имел специальное намерение сделать высказывание, призывающее к геноциду, и уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую, либо, как минимум, «осознавать существенную вероятность того, что совершение [геноцида] будет вероятным следствием его действий».⁷¹
- Не требуется, чтобы геноцид действительно имел место, поскольку для привлечения к ответственности достаточно **создания вероятности геноцида**.⁷² В случаях, когда геноцид все-таки имел место, акт подстрекательства может рассматриваться как акт геноцида как такового⁷³ и вести к отдельному или дополнительному обвинению в соучастии.

Международное право четко требует от государств **криминализации** прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида, не предусматривая альтернативных и менее строгих форм осуждения посредством административного или гражданского права.

Конвенция о геноциде не содержит каких-либо положений относительно защиты права на свободу выражения мнения. Тем не менее, в отсутствие объявления чрезвычайного положения в соответствии с международным правом прав человека, любое уголовное осуждение за подстрекательство должно отвечать требованиям теста из трех частей по статье 19(3) МПГПП⁷⁴ - в том числе и в контексте вооруженного конфликта, когда параллельно может применяться международное гуманитарное право.

⁷⁰ ICTR, *Prosecutor v. Akayesu*, Case No. ICTR-96-4-T, Judgement (Trial Chamber), 2 September 1998, para 557.

⁷¹ ICTY, *Prosecutor v. Naletili and Martinovi*, Case No. IT-98-34-T, Judgement (Trial Chamber), 31 March 2003, para 60

⁷² ICTR, *Akayesu*, *op. cit.*, para 562.

⁷³ ICTR, *Prosecutor v. Ferdinand Nahimana, Jean-Bosco Barayagwiza and Hassan Ngeze*, Case No. ICTR-99-52-T, Judgment and Sentence (Trial Chamber), 3 December 2003, para 1015.

⁷⁴ **Тест из шести частей**, описанный внизу в контексте подстрекательства по статье 20(2) МПГПП, также может быть поучителен для анализа случаев подстрекательства к геноциду, учитывая специальный умысел, требующийся для подстрекательства к геноциду.

Важно отметить, в международном уголовном праве «подстрекательство» как форма уголовного преступления, не требующего фактического наступления уголовно-наказуемого вреда, не предусмотрено в отношении других международных преступлений. В отношении некоторых преступлений применима концепция инициирования, хотя она требует, чтобы выраженное действие имело существенную связь с совершением преступления в действительности, при существовании у инициатора отдельного умысла в отношении последующего преступления, а не просто угрозы или вероятности его совершения. Тем не менее, в национальном праве, «подстрекательство» часто признается как форма соучастия в любом преступлении. Следовательно, подстрекательство к другим формам международных преступлений, основанных на дискриминации, таких как «преследование», должно рассматриваться внутри спектра форм «языка ненависти», которые могут быть запрещены государством.

Пропаганда основанной на дискриминации ненависти, представляющая собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию

Статья 20(2) МПГПП обязует государства запретить законом **«любое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию»** (подстрекательство).⁷⁵

Реализация статьи 20(2) на практике стала предметом многих споров и неясностей. Это отражено в большом числе государств, выступивших с оговорками к статье 20(2) МПГПП из-за озабоченности по поводу права на свободу выражения мнения.⁷⁶ Национальные законодательства и практика расходятся в толковании и имплементации положений статьи 20(2), что еще более усугубляется непоследовательной

⁷⁵ В прошлом АРТИКЛЬ 19 использовал для краткости выражение «подстрекательство к ненависти» для передачи обязательства по статье 20(2) МПГПП. Однако это иногда вело к ошибочному пониманию, что «ненависть» сама по себе является запрещенным результатом. Это не так: выступление в пользу ненависти должно запрещаться, только если оно представляет собой подстрекательство к другому запрещенному результату, а именно: *дискриминации, вражде или насилию*.

⁷⁶ Например, Австралия, Бельгия, Люксембург, Мальта, Новая Зеландия, Великобритания и США.

практикой судов на национальном уровне и почти полным отсутствием руководящих разъяснений, исходящих из Комитета по правам человека.⁷⁷

Проблемы с имплементацией существуют на обоих концах спектра: безнаказанность в отношении серьезных случаев подстрекательства, с одной стороны, и чрезмерно активное исполнение туманных законодательных положений о подстрекательстве с целью наказания за законное выражение мнения, с другой (включая преследование меньшинств).

Рабатский плане действий ООН (Рабатский план) обозначил эти проблемы и представил ряд заключений и рекомендаций по имплементации Статьи 20(2) МПГП,⁷⁸ приближенных к более узко сформулированному в **Резолюции 16/18** политическому обязательству государств «криминализовать подстрекательство к немедленному насилию на почве религии или убеждений»⁷⁹. Рабатский план содержит серию рекомендаций, которые по большей части отражают вклад, сделанный АРТИКЛЬ 19 в этот экспертный процесс, в форме документа о принципах политики под названием «Запрещение подстрекательства к дискриминации, вражде и насилию» 2012 года.

Основываясь на Рабатском плане и дальнейшем обсуждении этих вопросов с момента его принятия, АРТИКЛЬ 19 делает следующие основные рекомендации:

Ключевые элементы Статьи 20(2) МПГП

Всякое выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию, должно быть запрещено законом.

⁷⁷ Каждое из трех решений Комитетом по этому вопросу, касающихся двух жалоб против Канады и одной жалобы против Франции и связанных с запрещением антисемитских высказываний, содержит отличный подход. В Общем замечании №34 подход Комитета не был разъяснен.

⁷⁸ Это также хорошо сочетается с более узким политическим обязательством государств, сформулированном в Резолюции 16/18, по «признанию в качестве уголовного преступления подстрекательства к неминуемому насилию на основе религий или убеждений».

⁷⁹ Резолюция 16/18, *op.cit.*, резолютивной параграф 5(f).

Для преодоления путаницы вокруг статьи 20(2) МПГПП, будет полезным разбить данный запрет на ключевые составляющие. Наша позиция заключается в том, что каждый из этих элементов должен либо напрямую предусматриваться, либо подразумеваться (в процессе толкования) в национальном законодательстве, имплементирующем статью 20(2) МПГПП. Более того, уголовно-правовые меры должны рассматриваться как исключения и последнее средство для наиболее серьезных случаев, в то время как гражданско-правовые, административно-правовые и альтернативные средства должны также иметься в наличии.

Запрет по статье 20(2) МПГПП требует наличия следующих элементов:

- **Поведение говорящего:** говорящий должен выступать перед публичной аудиторией, и его высказывание должно включать:
 - выступление в пользу/пропаганда
 - ненависти, нацеленной на защищенную группу на почве защищённых характеристик,
 - составляющее подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию.
- **Намерение говорящего:** говорящий должен
 - иметь специальное намерение к выступлению в пользу ненависти на почве дискриминации,
 - иметь намерение к подстреканию аудитории к дискриминации, вражде или насилию или осознавать вероятность того, что аудитория будет возбуждена к таким действиям.
- **Вероятная и незамедлительно наступающая угроза того, что аудитория в самом деле будет возбуждена к совершению запрещенных действий** в результате выступления в пользу ненависти. Состоящий из шести частей **тест «порога серьезности»**, изложенный ниже, помогает в оценке того, достигает ли угроза возбуждения уровня, необходимого для обоснованных ограничений.

Каждый из этих элементов обсуждается ниже.

Подстрекательство включает треугольное отношение между тремя главными участниками: «человек, пропагандирующий ненависть», перед публичной аудиторией; «публичная аудитория», члены которой могут совершить акты дискриминации, вражды или насилия; «целевая группа», против которой эти акты могут быть совершены.

Поведение говорящего

- **Пропаганда** должна пониматься как «намерение публично содействовать ненависти против определенной группы».⁸⁰ Идея «содействия» является неотделимым элементом пропаганды. Она предполагает больше, чем просто изложение какой-то идеи, а именно попытку *убедить других* принять определенную точку зрения или способ мышления. Это может осуществляться с помощью любых средств общения, включая устную и письменную речь и цифровые коммуникации.

Пример пропаганды

известная личность использует свою страницу в социальной сети для обнародования серии агрессивных высказываний против мигрантов, повторяя зловерные стереотипы и измышления about them.

Пропаганду следует отличать от дискриминационных ругательств или оскорблений, направленных на отдельного индивида в силу наличия у него защищенной характеристики в ситуации, когда отсутствует иная аудитория.

Пример дискриминационных оскорблений

журналист публикует ссылку на свою статью по поводу политического скандала и, в результате, получает серию сексистских и оскорбительных сообщений.

В некоторых случаях оскорбления или ругательства одного лица, свидетелями которых являются другие лица, могут рассматриваться как «пропаганда ненависти», подстрекающая к запрещенному поведению. Например, это может иметь место, когда существует влиятельный «заводила» в ситуациях аналогичных «толпе»: дискриминационные оскорбления, инициированные одним лицом, заставляют других присоединиться с целью подстрекаательства к запрещенному поведению.

⁸⁰ Кемденские принципы, *op. cit.*, Принцип 12.1.; или Доклад Специального докладчика по свободе выражения мнения 2012 г., *op. cit.*, параграф 44(б).

-
- **Ненависть:** должна пониматься как **состояние ума**, характеризующееся «интенсивными и иррациональными чувствами осуждения, враждебности и отвращения» в отношении определенной целевой группы на почве защищенной характеристики.⁸¹

Для целей запрещения по статье 20(2) «ненависть» связана с состоянием ума автора высказывания по отношению к группе, являющейся объектом высказывания, а также состоянием ума аудитории, которую он или она пытаются побудить к запрещенному поведению. Это отличается от чувств обиды или возмущения, которые группа, являющаяся объектом высказывания, может испытывать при столкновении с «языком ненависти» - защита таких чувств не является целью статьи 20(2).

Тип ненависти также имеет значение. Статья 20(2) МПГПП перечисляет лишь «выступление в пользу **национальной, расовой** или **религиозной** ненависти», но, как отмечалось выше, мы рекомендуем расширительное толкование этого перечня, включающее пропаганду любой дискриминационной по характеру ненависти, направленной против отдельного лица или группы лиц. Это охватывало бы все защищенные характеристики, признанные в международном праве прав человека, исходя из толкования статьи 20(2) МПГПП в свете более широких антидискриминационных положений статьи 2(1) и статьи 26 МПГПП⁸² и других международных правовых документов, посвященных вопросам дискриминации.

⁸¹ *Ibid.*

⁸² *Ibid.* Комитет по правам человека еще не высказался по этому вопросу напрямую. Однако это толкование соответствует тенденциям в защите прав человека с момента принятия МПГПП, учитывая, что пакт был принят до того, как многие движения за равные права по всему миру достигли существенного прогресса в поощрении и обеспечении прав человека для всех и каждого. Он стал пониматься и толковаться как поддерживающий принцип равенства более широко, применяя его к другим признакам, не перечисленным напрямую. Такой подход соответствует принципу толкования международного права прав человека «в свете современных условий».

-
- **Подстрекательство:** Статья 20(2) МПГПП не запрещает пропаганду дискриминации как таковую. Она имеет дело только с пропагандой дискриминационной ненависти, **представляющей собой подстрекательство к насилию, вражде или дискриминации.** Хотя нет необходимости в возникновении запрещенного результата в действительности, термин «подстрекательство» подразумевает, что пропаганда ненависти должна создавать «непосредственную угрозу дискриминации, вражды или насилия против лиц, принадлежащих к [избранным в качестве мишени] группам»⁸³
 - Именно угроза того, что аудитория предпримет действия против избранной в качестве мишени группы по причине ее защищенной характеристики, является предметом внимания статьи 20(2), что отличается от оскорбления или возмущения, которые группа, избранная в качестве мишени, может испытывать в отношении таких высказываний отдельно от каких-либо инцидентов.⁸⁴

Под запрещенными результатами должно пониматься следующее:

- **Дискриминация,** которая должна пониматься как «любое различие, исключение, ограничение или предпочтение», основанное на любой из защищенных характеристик, признанных в международном праве прав человека,⁸⁵ которое имеет целью или следствием уничтожение или умаление признания, использования или осуществления, на равных началах, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной и иных сферах общественной жизни.⁸⁶
- **Насилие,** которое следует понимать как «намеренное использование физической силы или власти против другого лица или против группы лиц или общины, которое либо ведет, либо имеет большую вероятность приведения к физическим повреждениям, смерти, психологическому вреду, плохому развитию или лишениям».⁸⁷

⁸³ Кемденские принципы, принцип 12.1.iii.

⁸⁴ Рабатский план ссылается на «запуск в действие треугольного отношения между объектом и субъектом высказывания и аудиторией».

⁸⁵ См. **Приложение I.** АРТИКЛЬ 19 понимает защищенные характеристики расширительно.

⁸⁶ Кемденские принципы, *op. cit.*, Принцип 12.1

⁸⁷ Данное определение основано на определении насилия, данном Всемирной организацией здравоохранения в докладе World Report on Violence and Health, 2002 г.

-
- **Враждебность**, которую следует понимать как «проявленное в действии крайнее состояние ума», а не просто крайнее состояние ума.⁸⁸ Это понятие отличается от насилия в том плане, что оно может охватывать угрозы насилием, преследования и ущерб собственности.

Любые положения в национальном праве, запрещающие распространение любых дискриминационных ненавистнических высказываний или основанных только на воздействии «языка ненависти» на чувства группы, избранной в качестве его объекта, будут существенно выходить за рамки запрета, предусмотренного в МПГПП. Схожим образом, законы, которые видоизменяют запрещенные последствия, оговариваемые в МПГПП, путем включения более широких концепций, открыты для злоупотреблений и, соответственно, нелегитимны – как, например, те, что направлены на охрану «общественного спокойствия» или защиту от «волнений» или «раскола среди верующих».⁸⁹

Намерение автора высказывания

Намерение автора ненавистнического высказывания побудить других лиц к совершению актов дискриминации, вражды и насилия должно рассматриваться в качестве ключевого и определяющего элемента подстрекательства, запрещенного статьей 20(2) МПГПП. Национальное законодательство должно всегда напрямую устанавливать, что преступление в форме подстрекательства является намеренным деянием,⁹⁰ а не преступлением, которое может быть совершено по неосторожности или халатности.⁹¹

⁸⁸ В Кемденских принципах «враждебность» понимается точно так же как «ненависть». Однако, по результатам последующих размышлений и дискуссий обновленное определение, требующее проявленного действия, было включено в наш документ от 2012 г. «Prohibiting incitement to discrimination, hostility or violence», *op. cit.*, стр. 19.

⁸⁹ Доклад Специального докладчика по свободе выражения мнения 2013 г. *op. cit.*, параграф 51.

⁹⁰ В некоторых законодательных системах также действуют «намеренно» и «целенаправленно».

⁹¹ АРТИКЛЬ 19 отмечает, что законодательство многих стран признает намерение в качестве одного из определяющих элементов подстрекательства — например, Великобритания, Ирландия, Канада, Кипр, Мальта и Португалия.

Учитывая, что единое определение намерения отсутствует в международном праве или среди национальных законодательных систем,⁹² АРТИКЛЬ 19 предлагает, чтобы любое определение намерения включало в себя:

- Намерение осуществлять пропаганду ненависти;
- Намерение избрать в качестве цели защищенную группу в силу защищенной характеристики;
- Обладание знанием, что в данном контексте в данное время данное высказывание вероятно вызовет запрещенный результат: дискриминацию, вражду или насилие.

Порог серьезности

Тест из шести частей, инкорпорируемый в Рабатский план, был разработан АРТИКЛЬ 19 для помощи в определении в каких ситуациях опасность насилия, вражды или дискриминации присутствует в достаточной степени для обоснованного запрета на соответствующее высказывание. Тест состоит из следующих критериев:

1 Контекст высказывания: высказывание следует рассматривать в политическом, экономическом и социальном контексте, в котором оно было обнародовано,⁹³ поскольку это имеет прямое влияние на намерение и/или причинную связь. Контекстуальный анализ должен принимать в расчет, среди прочего:

- существование конфликта в обществе, например, недавние случаи насилия против группы, являющейся объектом высказывания;

⁹² Ни один из международных договорных органов не принял определение «намерения» для целей запрещения подстрекательства. Общий подход в международном уголовном праве и национальном уголовном праве состоит в обеспечении уголовной ответственности в случаях, когда автор высказывания действовал осознанно и с намерением приведения к объективным элементам преступного деяния.

⁹³ Как отмечает Тоби Мендель, «крайне сложно делать какие-либо общие выводы из существующей судебной практики относительно того, какого рода контексты более склонны к поощрению запрещенного результата, хотя здравый смысл может помочь с некоторыми полезными заключениями. В самом деле, иногда кажется, что международные суды полагаются на выборку контекстных факторов в поддержку своих решений, а не на применение объективной аргументации для принятия своих решения исходя из контекста. Возможно, невозможно широкий набор факторов, составляющих контекст, делает это неизбежным». Toby Mendel, *Study on International Standards Relating to Incitement to Genocide or Racial Hatred* (2006).

-
- существование и историю институциональной дискриминации, например, в правоохранительных органах и судах;
 - правовые рамки, включая признание защищенной характеристики группы, являющейся предметом высказывания, в антидискриминационном законодательстве или отсутствие такового;
 - медийный ландшафт, например, регулярные негативные репортажи о группах-объектах высказывания на фоне отсутствия альтернативных источников информации;
 - политический ландшафт, в частности, близость выборов и роль политики идентичности в этом контексте, а также степень, в которой точка зрения группы-объекта высказывания представлена в формальном политическом процессе.

2 **Автор высказывания:** статус говорящего и его власть или влияние над его аудиторией имеют критическое значение. Особенно следует учитывать, является ли говорящий политиком или важным членом политической партии, должностным лицом или лицом, обладающим схожим статусом (например, учителя или религиозные лидеры) - в силу большего внимания к себе и большего воздействия на окружающих. Такой анализ должен также исследовать отношение между аудиторией и говорящим, а также такие вопросы, как степень уязвимости и страха среди различных общин, включая тех, против которых выступает говорящий, и уровень восприимчивости аудитории к голосу власти.⁹⁴

3 **Намерение:** как объяснялось выше, должны существовать (i) намерение осуществлять пропаганду ненависти; (ii) намерение избрать мишенью какую-то группу в силу защищенной характеристики; (iii) знание последствий своих действий и того, что эти последствия будут иметь место или могут иметь место при нормальном развитии событий (т.е. если не случилось непредвиденных изменений). Об этом следует судить на основании обстоятельств дела в целом и его контекста,⁹⁵ принимая во внимание, среди прочего, использованные выражения, масштаб и повторение высказывания и любые заявленные цели говорящего. Беспечности и халатности не достаточно для установления наме-

⁹⁴ См. Susan Benesh, *Dangerous Speech: A Proposal To Tackle Violence*, 2011.

⁹⁵ ЕСПЧ, *Jersild v. Denmark*, No. 15890/89, 23 сентября 1994, параграф. 31.

рения; таким образом, следует уделять внимание защите высказываний, которые являются всего лишь бездумными или легкомысленными (как, например, неудачная шутка), или цель которых носит более сложный характер (сатирически высмеять, навести на размышления или оспорить статус-кво, в том числе художественными методами).

- 4 **Содержание высказывания:** что именно было сказано имеет значение, включая форму и стиль высказывания, наличие прямых или косвенных призывов к дискриминации, вражде или насилию и природу использованных аргументов и баланс между аргументами. Особенно важное значение имеет то, как содержание высказывания понимается аудиторией, особенно когда подстрекательство может быть косвенным. Международные стандарты признают, что определенные формы выражения мнения предоставляют «мало простора для ограничений»,⁹⁶ в частности, художественное высказывание, общественно значимая, академическая дискуссия, изложение фактов и оценочные суждения.
- 5 **Степень и значимость высказывания:** анализ должен исследовать публичный характер высказывания,⁹⁷ использованные средства и интенсивность и масштаб высказывания в плане его частоты или объема (например, одна брошюра в сравнении с вещанием в основных СМИ или однократное распространение в сравнении с повторным распространением). Если высказывание было распространено через СМИ, необходимо принять во внимание свободу СМИ в соответствии с международными стандартами.⁹⁸

⁹⁶ ЕСПЧ, *Erbakan v. Turkey*, No. 59405/00, 6 июня 2006 г., параграф 68.

⁹⁷ АРТИКЛЬ 19 рекомендует, чтобы сюда входило рассмотрение того, распространялось ли высказывание широко и публично или в узко ограниченной среде, было ли оно сделано в закрытом для посторонних месте, вход в которое требовал билета, или в открытом публичном месте, было ли оно адресовано неопределенной аудитории (публике) или группе лиц в публичном месте.

⁹⁸ Как отметил ЕСПЧ, «хотя пресса не должна преступать границ, установленных, среди прочего, для охраны жизненно важных интересов государства, [...] тем не менее, ее задачей является передача информации и идей по политическим вопросам, включая те, что разделяют общественное мнение. Не только передача таких информации и идей является задачей прессы, но и общественность имеет право ее получать. Свобода получать информацию и идеи дает общественности одно из лучших средств, как узнать и составить мнение о представлениях и отношении соевых лидеров», см. *Halis Do an v. Turkey*. App. No. 71984/01 (2006).

-
- 6 **Вероятность причинения вреда**, включая его быстроту наступления: должна существовать достаточная вероятность дискриминации, вражды или насилия как прямого следствия высказывания, однако не требуется, чтобы запрещенный результат на самом деле наступил. Действительное причинение вреда может рассматриваться как отягощающее обстоятельство в уголовных делах. Данный критерий должен включать следующее:⁹⁹
- Понимает ли аудитория акт пропаганды ненависти как призыв к дискриминации, вражде или насилию;
 - Был ли автор высказывания в состоянии повлиять на аудиторию;
 - Были ли в распоряжении аудитории средства для совершения актов дискриминации, вражды или насилия;
 - Недавние инциденты дискриминации, вражды или насилия в отношении группы, являющейся объектом ненавистнического высказывания, бывшие результатом подстрекательства;
 - Были ли период, истекший между ненавистническим высказыванием и актом дискриминации, вражды или насилия, достаточно продолжителен, чтобы поставить под сомнение причинное воздействие высказывания.

¹⁰¹ Сравните с Susan Benesh, *op.cit.*

Правовые санкции за подстрекательство не должны сводиться к уголовному наказанию

АРТИКЛЬ 19 считает, что санкции за подстрекательство должны предусматриваться, в основном, в рамках гражданского и административного права, а уголовное наказание должно применяться только как последнее средство и только в самых серьезных случаях.

- **Гражданско-правовые санкции**¹⁰⁰ обеспечивают подход к возмещению вреда в случаях пропаганды дискриминационной ненависти, представляющей собой подстрекательство к насилию, вражде и дискриминации, который является в большей степени ориентированным на жертву. Средства правовой защиты для жертв любой пропаганды дискриминационной ненависти, представляющей собой подстрекательство к насилию, вражде и дискриминации, должны включать компенсацию материального и нематериального вреда,¹⁰¹ а также право на исправление фактов и ответ, если подстрекательство имело место в СМИ.¹⁰² Государства должны также предоставить возможность общественным организациям подавать гражданские иски в соответствующих случаях, а также возможность коллективных исков в делах, связанных с дискриминацией. Это должно быть частью всеобъемлющей антидискриминационной системы, включающей в себя каждую их мер, обозначенных в **Части II** настоящего пособия, где разъясняется законодательный подход к недискриминации.

¹⁰⁰ Данное предложение основано на требованиях, изложенных в [Racial Equality Directive \(2000/43/EC\) against discrimination on grounds of race and ethnic origin](#).

¹⁰¹ Рекомендация Комитета Министров Совета Европы № R 97(20) по вопросам «языка ненависти», Принцип 2. Присуждение компенсации должно быть соразмерно и тщательно и строго обосновано и мотивировано, с тем чтобы не имело побочного сдерживающего эффекта на свободу выражения мнения.

¹⁰² *Ibid.*, Принцип 2. Также Кемденские принципы, *op.cit.*, Принцип 7. Право на ответ дает каждому право обязать СМИ распространить его/ее ответ, если изначальная публикация или трансляция ошибочных или неверных фактов ущемили признанные права данного лица, и когда исправление не может компенсировать ущерба. Данное средство имеет также своим результатом поощрение диалога, а не его ограничение.

-
- **Административные санкции** должны также рассматриваться, особенно в целях принудительного исполнения правил, установленных советами по вопросам коммуникаций, СМИ и прессы, органами защиты прав потребителей и другими регулирующими органами. Следует рассмотреть возможность учреждения формальных кодексов поведения и правил приема на работу для определенных участников, включая политиков, чиновников и государственных служащих (например, учителей). Такие меры должны поддерживать принцип, согласно которому представители власти на всех уровнях должны, насколько это возможно, воздерживаться от заявлений, поощряющих дискриминацию или подрывающих равенство и межкультурное взаимопонимание. Санкции могут выражаться в форме распоряжения принести публичные извинения (хотя это не должно автоматически исключать уголовную вину и другие санкции). В отношении общественного вещания система административных санкций может предусматривать обязанность избегать коммуникацию негативных стереотипов об индивидах и группах. Сюда могут входить обязанности опубликовать исправление, обеспечить право на ответ, предоставить эфирное время освещению итогов административного решения, а также наложение штрафов.
 - Следует избегать использования **уголовного права**, если менее суровые санкции способны достигнуть желаемого результата. Опыт многих стран показывает, что гражданско-правовые и административные санкции лучше подходят в качестве реакции на вред, причиненный подстрекательством.¹⁰³ Также важно, чтобы суды, правоохранительные органы и другие государственные органы учитывали в уголовных разбирательствах точку зрения жертв, с тем чтобы способствовать достижению справедливости. Они также должны пытаться вовлекать жертв в разбирательства с помощью других средств, таких как позволение вступить в дело в качестве третьей стороны представителям общественных групп, затронутых предметом разбирательства.

¹⁰³ Например, в Бразилии задокументирована неэффективность уголовного права в силу институциональной предвзятости среди правоприменительных органов, в то время как санкции эффективно применяются в рамках гражданских исков, см.: Tanaya Hernandez, *Hate Speech and the Language of Racism in Latin America*, 32 U. Pa. J. Int'l L. 805 2010-2011.

Запреты «языка ненависти» по статье 19(3) МПГПП

Артикль 19 признает, что в некоторых ситуациях высказывания не должны достигать уровня «подстрекательства» по статье 20(2) для того, чтобы представлять собой достаточно серьезную проблему, требующую конкретных мер со стороны государства по ограничению таких высказываний.

Согласно универсальным и региональным правовым стандартам в области прав человека такой «язык ненависти» может быть ограничен по ряду оснований, перечисленных в статье 19(3) МПГПП, в частности, для защиты прав иных лиц и общественного порядка:

- **«Язык ненависти», нацеленный на защищенную группу:** В частности, это применимо в определенных контекстах, таких как, например, «язык ненависти» в вещательных СМИ, образовательных учреждениях и накануне выборов;
- **«Язык ненависти», нацеленный на отдельных лиц:** В некоторых случаях «язык ненависти» может быть нацелен на конкретных лиц в отсутствие какой-либо «пропаганды ненависти». Такие высказывания зачастую направлены против женщин и иных маргинализированных групп и меньшинств. Они часто носят яростно дискриминационный характер и могут быть глубоко оскорбительными и причиняющими вред тем, кто является их мишенью. В некоторых случаях они могут принимать форму словесной атаки, угрозы насилием или приставания и причинять физический или психологический вред лицу, являющемуся их объектом.

Там, где такое поведение создает риск физического и/или значительного психологического вреда, ограничения могут быть оправданы, если они необходимы для защиты права на жизнь, свободы от бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, права на личную жизнь и/или права на равное обращение.

- Имеет смысл наглядно изобразить, как такого рода «язык ненависти» отличается от треугольника, связывающего три стороны в модели «подстрекательства» по статье 20(2) МПГПП. Состоящий из шести частей тест на «подстрекательство», изложенный выше, не является подходящим, поскольку акт выражения включает в себя только автора ненавистнического высказывания и лицо, против которого оно направлено;

- Хотя угрозы или преследование имеют несоразмерный эффект на тех, кто уязвим в плане дискриминации и «языка ненависти», не все угрозы и преследования обязательно мотивированы предубеждением или характеризуются ненавистью. Следовательно, существующие общие запреты угроз и преследования могут быть достаточными для реагирования на такие инциденты, хотя отсутствие каких-либо механизмов признания мотива предубеждения в таком поведении будет являться пробелом, над которым следует работать.

АРТИКЛЬ 19 озабочен тем фактом, что ограничения на свободу выражения мнения в определенных контекстах и запрет угроз или преследования зачастую носят слишком широкий характер и открыты для злоупотреблений. Они могут применяться для того, чтобы защитить людей от оскорбляющих их высказываний или высказываний, с которыми они не согласны, либо для того, чтобы оградить лиц, наделенных властью, от правомерной критики.

Международный консенсус в отношении этих конкретных контекстов отсутствует. Любые такие ограничения по другим основаниям могут считаться законными только в той мере, в которой они соответствуют трехчастному тесту, описанному выше.

АРТИКЛЬ 19 призывает к проявлению крайней осторожности в применении любых из данных подходов за рамками конкретных обстоятельств, для которых они предусмотрены, и к использованию особых и индивидуализированных нормативных подходов, ориентированных на конкретную ситуацию.

Приложение 1: Документы

Документ	Признаваемые защищенные характеристики в общих положениях	Признаваемые защищенные характеристики в положениях, запрещающих «язык ненависти»
Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него	Статья 2 запрещает геноцид , понимаемый как совершение одного из пяти типов действий, указанных в статье, «совершаемы[х] с намерением уничтожить, полностью или частично» национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую.	Статья 3(с) запрещает «прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида» по тем же защищенным характеристикам, что и в статье 2.
Римский статут Международного уголовного суда	Наиболее широкий спектр защищенных характеристик содержится в составе преступления «преследование», которое может совершаться против какой-либо группы по «политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным» или «другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву» (статьи 7(1)(h) и 7(2)(g)).	Статья 25(3)(e) запрещает «подстрекательство» только в отношении геноцида и не содержит прямого запрета подстрекательства к другим международным преступлениям.
Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации	Статья 1 признает дискриминацию, основанную на признаках расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения.	Статья 4(a) требует от государств осудить «всякую пропаганду и все организации, основанные на идеях или теориях превосходства одной расы или группы лиц определенного цвета кожи или этнического происхождения , или пытающиеся оправдать, или поощряющие расовую ненависть и дискриминацию в какой бы то ни было форме » и «принять немедленные и позитивные меры, направленные на искоренение всякого подстрекательства к такой дискриминации или актов дискриминации». Тем не менее, КЛРД занимается вопросом «языка ненависти», основанного на всех признаках, перечисленных в Статье 1, и признает интерсекциональную дискриминацию по признакам религии, пола и принадлежности к коренному народу . ¹⁰⁴ КЛРД также приветствует запрещение «языка ненависти», основанного на сексуальной ориентации и гендерной идентичности . ¹⁰⁵

¹⁰⁴ КЛРД, Общая рекомендация №. 35 op.cit, параграф 6.

¹⁰⁵ КЛРД, Заключительные замечания по Румынии, CERD/C/ROU/CO/16-19, 13 сентября 2010 г, параграф 4.

Документ	Признаваемые защищенные характеристики в общих положениях	Признаваемые защищенные характеристики в положениях, запрещающих «язык ненависти»
<p>Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин</p>	<p>Статья 2 предусматривает, что государства-участники «осуждают дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах» и обязуются «безотлагательно всеми соответствующими способами проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин». Статья 1 определяет «дискриминацию в отношении женщин» как «любое различие, исключение или ограничение по признаку пола, которое направлено на ослабление или сводит на нет признание, пользование или осуществление женщинами, независимо от их семейного положения, на основе равноправия мужчин и женщин, прав человека и основных свобод в политической, экономической, социальной, культурной, гражданской или любой другой области».</p>	<p>Положение, напрямую требующее запрета «языка ненависти» в отношении женщин, отсутствует. Однако:</p> <ul style="list-style-type: none"> – Статья 2(b) обязует государства requires States «принимать соответствующие законодательные и другие меры, включая санкции, там, где это необходимо, запрещающие всякую дискриминацию в отношении женщин»; – Статья 2(f) обязует государства «принимать все соответствующие меры, включая законодательные, для изменения или отмены действующих законов, постановлений, обычаев и практики, которые представляют собой дискриминацию в отношении женщин»; – Статья 5 обязует государства «изменить социальные и культурные модели поведения мужчин и женщин с целью достижения искоренения предрассудков и упразднения обычаев и всей прочей практики, которые основаны на идее неполноценности или превосходства одного из полов или стереотипности роли мужчин и женщин».¹⁰³

¹⁰³ В Общей рекомендации № 23 о «политической и общественной жизни» (1992 г.), КЛДЖ указал на «создание стереотипов, в том числе и через средства массовой информации» как на препятствие к полному участию в общественной жизни. В Общей рекомендации № 19 о «насилии в отношении женщин» Комитет рекомендовал принятие эффективных мер «для обеспечения того, чтобы средства массовой информации уважительно относились к женщинам и чтобы средства массовой информации пропагандировали такое отношение. В докладах Комитету государство просит указывать характер и степень отношения, обычаев и практик, воспроизводящих насилие против женщин, и проистекающие формы насилия. В своих заключительных замечаниях Комитет призвал государства «проводить работу со СМИ в целях искоренения стереотипного изображения женщин, особенно если это пагубно сказывается на здоровье женщин» и «укреплять меры противодействия агрессивным словесным нападкам на женщин и девочек из этнических меньшинств и прочих социальных групп в СМИ, в том числе на форумах в интернете и социальных сетях» (см. КЛДЖ, Заключительные замечания по седьмому периодическому докладу Финляндии, CEDAW/C/FIN/CO/7, 28 февраля 2014 г., параграф 15). Хотя Комитет уже обратил внимание на интерсекциональную дискриминацию в «языке ненависти» в отношении женщин из этнических меньшинств, он еще не высказался по этой же проблеме, но в отношении, например, бисексуальных, лесбийских и трансгендерных женщин.

Документ	Признаваемые защищенные характеристики в общих положениях	Признаваемые защищенные характеристики в положениях, запрещающих «язык ненависти»
<p>Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания</p>	<p>Статья 1 предусматривает в качестве одного из оснований для пыток «дискриминацию любого характера», без перечисления защищенных характеристик. Комитет против пыток принял следующий список, отметив пересечение каждого из этих оснований и пола: раса, цвет кожи, этническое происхождение, возраст, религиозные убеждения и вероисповедание, национальное или социальное происхождение, пол, сексуальная ориентация, гендерная самоидентификация, психические или иные расстройства, состояние здоровья, участие в экономической деятельности, принадлежность к коренным народам, вид преступления, за которое лицо содержится под стражей, включая лиц, обвиняемых в политических преступлениях или террористических актах, просители убежища, беженцы или другие лиц, находящиеся под международной защитой, или какой-либо иной статус или неблагоприятный признак.¹⁰⁷</p>	<p>Положение, напрямую требующее запрета «языка ненависти» отсутствует. Однако статья 16 требует, чтобы государства «предотвращали» « другие акты жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, которые не подпадают под определение пытки». Комитет против пыток рекомендовал отдельным государствам ввести ответственность за преступления на почве ненависти как акты «нетерпимости и подстрекательства к ненависти и насилию» в рамках обязательства по статье 16 Конвенции против пыток.¹⁰⁸</p>

¹⁰⁷ Комитет против пыток, Замечание общего порядка No.2, CAT/C/GC/2, 24 января 2008 г, Часть V.

¹⁰⁸ Заключительные замечания по Молдове, CAT/C/MDA/CO/2, параграф 27; Заключительные замечания по Польше, CAT/C/POL/CO/4, параграф 20; и Заключительные замечания по Монголии, CAT/C/MNG/CO/1, параграф 25. АРТИКЛЬ 19 отмечает, что Комитет не дал определения терминам «преступления на почве ненависти», «нетерпимость», «подстрекательство к ненависти» и «язык ненависти» и не предоставил рекомендаций о том, как найти правильный баланс между соответствующими правами.

Документ	Признаваемые защищенные характеристики в общих положениях	Признаваемые защищенные характеристики в положениях, запрещающих «язык ненависти»
Конвенция о правах инвалидов	Признает общее обязательство ликвидировать дискриминацию по признаку инвалидности .	Положение, напрямую требующее запрета «языка ненависти» отсутствует. Однако государства обязаны «принимать безотлагательные, эффективные и надлежащие меры к тому, чтобы ... вести борьбу со стереотипами, предрассудками и вредными обычаями в отношении инвалидов , в том числе на почве половой принадлежности и возраста , во всех сферах жизни».
Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов	Статья 2 гарантирует: «Лица, принадлежащие к коренным народам, и коренные народы свободны и равны со всеми другими народами и отдельными лицами из их числа и имеют право быть свободными от какой бы то ни было дискриминации при осуществлении своих прав, в особенности дискриминации на основе их коренного происхождения или самобытности ».	Статья 8(2)(e) требует от государств обеспечить механизмы предупреждения и правовой защиты в отношении «пропаганды в любой форме, имеющей целью поощрение или разжигание расовой или этнической дискриминации, направленной против [коренных народов или лиц, принадлежащих к коренным народам]».

DEFENDING FREEDOM OF EXPRESSION AND INFORMATION

ARTICLE 19 Free Word Centre 60 Farringdon Road London EC1R 3GA

T +44 20 7324 2500 F +44 20 7490 0566

E info@article19.org W www.article19.org Tw [@article19org](https://twitter.com/article19org) facebook.com/article19org